



Иван Данилов с дочерью Юлей

Иван Данилов:

«В русле памяти нам никаких не воздвигнуть плотин!»

Детские воспоминания

В войну эвакуированные евреи из Минска напугали маму: Гитлер придёт, обязательно придёт сюда, сволочь! Мама нашла всей семье ватных брюк и курток (брюки пристёгивались к пуговицам куртки) – девочкам и мне, годовалому. Готовилась уезжать на Алтай. Один беспартийный, пожилой старик говорил: «Брось, Нюра, по дороге похоронишь всех, если поедешь. Оставайся, спрячем семью вашу как-нибудь». (Отец был на фронте.)

Хлеб – кисляк. Пока ждём маму с

супом, наедемся полусырого кисляка. А потом плачем – болят животы.

Триумвират: Юра Башкиров, Женя Красавин, Толя Гущенко и я. Землянку рыли в бузине. На «болоте» – на коньках, прикрученных сыромятными ремнями или просто бельевыми верёвками, или тесьмой к валенкам. Хорошо, если валенки толсто подшиты – коньки прочнее, устойчивее держатся. «Снегурки» – пустяк, девчачьи коньки, детская забава. Вот «дутьши» или «ножи» беговые, «канады» – это да! Зависть и восторг!

А уж появились коньки на ботинках – невидаль, мечта! Но это было редко да, наверное, и не нужно для суровых деревенских условий. Пацаны (мы) по целым дням на льду – ноги в ботиночках околотеют, да и наломаешь в суставах – ломить будет нещадно. Хоккей с консервной банкой пустой, смятой – только щёлк стоит на ледовом «болоте».

Сыромятные ремни резали рыжие толстые валенки – не напасёшься, родители ругаются (бедно жили!). Намаешься до темноты на коньках – только две сосульки соответственно под каждой ноздрей блестят, и щёки, как вываренная свёкла, сине-алеют. Губы слова оправдания не выговаривают – замёрзли, заливели, пальцы не гнутся (окоченели), чтоб коньки, промёрзлые скрипучие (от мороза) ремни или верёвки развязать, – разломить скорее. Носки из серой шерсти грубой – быстрее в печурку. Хлеб ржаной, посыпанный солью, политый постным маслом (не щедро), особенно вкусен. Мать прибавит фитилёк в лампе (вывинтит повыше язычок-лопатку огня) в семилинейной лампе, отхлынет в углы избы пропахшая махрой и овчиной тёплая мгла, а в глазах уж марево... Расплывается сливочное пятнышко огня в лампе, в сон с тепла клонит.

Выдолбленные желобочки-корытца во внутренних зимних рамах, чтоб наледь на стёклах, оттаивая, не на пол стекала, а скапливалась в этих желобочках. Потом влагу там время от времени промокали тряпкой и выжимали. Или в тех же целях – по углам подоконника пустые жестяные банки привязывались на нитках или бечёвках, чтоб талая вода со стёкол стекала. Между рам – валики второсортной серовато-жёлтой ваты, усыпанные вырезанными из фольги звёздочками, фигурками, конфетные фантики (бесхитростные украшения военного времени), ёлочные игрушки между рамами. Лоснящиеся, не местных земель урождённые фикусы в кадках, обёрнутых прошлогодними газетами или цветной бумагой гофри-

рованной и подпоясанными цветными шёлковыми, верно, довоенными лентами. Мужики по пьянке в фикус окурков натывают, улучив мгновенье вне хозяйского глаза, оторвут газету на самокрутки.

...Туманные (матовые), сероватые кристаллы соли (военных лет). Что коровам соль давали, ту и сами ели. Экономили керосин для ламп, заботливо завинченный в бывших огнетушителях или молочных четвертях (теперь уж редко увидишь четвертные бутылки). Запас дёгтя в сенах для сапог – дёготь в ведре с самодельной дужкой из колючей проволоки со сплюснутыми молотком колючками и обмотанной серединой дужки куском полуистлевшего брезента (бывший хлебоуборочный полог).

Зубы в деревнях (военных лет) не чистили – весь раймаговский и сельповский зубной порошок (пасты не было) закупался для написания плакатов.

Опасная бритва «Золинген» – трофейная, гордость отца. Берёг, никому дотрагиваться в семье не позволял.

Бинокли «Карл Цейс» – трофейные, тоже гордость отца.

Зажигалки самодельные из гильз винтовочных.

В день выборов бренчит деревенская улица у правления колхоза и у школы (агитпункт и избирательный участок обычно) медалями, а зимой, если выборы, белеет фетрами, «бурками» (определённый вид зимней обуви) поскрипывает.

У девчат платья с аппликациями – цветочками на груди, «плечики» подшиты новые, тугие. Волосы пахнут горячими щипцами для завивки (щипцы в лампу трёхлинейную совали сверху, чтоб разогрелись и могли завитушки делать. Сколько девчат от неумелости обжигало щипцами кожу на висках, на лбу).

Утюги дымились с малиновыми углями внутри, лязгали во время глаже-

ния (неплотно запирались задвижкой-вертушкой).

Старые голенища сапог срочно переквалифицировались в «самоварные раздувалы» (в выборы). В будни для скорости чайниками пользовались, уходила самоварная старина и традиции из деревни уже в те годы.

Спешно нарезались самоварной крышкой сочни для пельменей (или просто стаканом тонкостенным). Пельмени делали всей семьёй – целый ритуал, со снегом (внутри пельменей), пробой мяса, замораживанием в сенях (выражение «наморозили к Рождеству пельменей»).

Святки, ряженые, маски, сажа на лицах, вывороченные наизнанку тулупы, катанье на санях, дровнях, розвальнях (без лошади) – по ночам и вечерам святочным.

Клубы морозного воздуха вталкивали в избу гостей одного за другим (как исправно работающая машина). То и дело в сенях шаркал веник по валенкам, обметая январский снег, и хлопали, освобождаясь от пороши (снега), шапки-ушанки, надувалась овчинными полушубками вешалка.

В межоконном простенке под стеклом мозаика (чёрно-белая) фотографий – зримая история разветвлённой семьи в несколько поколений. Здесь династийные радости и горести не стеснялись ничего глаза. И в подвенечном платье и в гробу, и в бумажных цветах, и просто любительские в полный рост – чтоб видны и часы, и галоши, и каракуль, и плюшевые зимние жакеты...

На каждом доме – табличка-рисунок – «топор», «ведро», «багор», «лопата», «лом» – какому дому что тащить к месту пожара в случае чего. Своеобразный мобилизационный план в масштабах деревни. Исконная крестьянская предусмотрительность. Беды научили этой стратегии и тактике. Изредка, в

особенно сухие (пожароопасные) лета эти рисунки «освежали», подновляли. Колдцы в те годы чаще всего чистили, в кадках-бочках воду тщательней берегли. Блюли боевую готовность. И одежду всю, и что ценное – выносили на лето в амбары («а то сгорит к шутам», «от греха подальше»).

После сенокоса у каждого двора, прямо у ворот на улице сена коврами лежали, досыхая окончательно, перед тем, как на сеновал их «забить», ворошили, переворачивали время от времени – дух стоял по деревне – только раз в году такое бывает!! Цветами, ягодой сухой, разнотравьем пахло!

Из Услонского младенчества в Казанское детство я переместился на конной тяге, и от первого трамвая отступал на три метра на остановке. Не оттого что он опасно красный, а потому что железо сильно гремело.

1960 (сентябрь)

Литературно-творческий кружок при газете «За педагогические кадры» Казанского педагогического института:

1. Кривицкий Михаил (IV курс, истфилфак). Эпиграммы, сатирик КГПИ, критик.
2. Платонов Павел (II курс, истфилфак). Прозаик.
3. Кевро Валентина (IV курс, истфилфак). Лирическая поэтесса.
4. Данилов Иван (II курс, истфилфак).
5. Муллаева Нурия (I курс, истфилфак.) Поэтесса, Моск. Дом пионеров.
6. Матвеева Александра. Школьная стенгазета.
7. Рябцев Юрий (I курс, истфилфак). Оренбургская обл.
8. Гайнутдинова Галия.
9. Смирнов Виктор (I курс, истфилфак). Стихи и проза.
10. Афанасьев Порфирий (I курс, истфилфак). Чувашская газета, стихи.
11. Рачкова Вена.

12. Музафарова Асия.
13. Никитина Гортензия (аспирантура, кабинет истории).
14. Харисов Ренат.
15. Гайнанов Э.
16. Хуснуллин.
17. Смагина Ира (I курс, истфилфак).

Пятница, с 7 часов вечера – литобъединение при музее М. Горького. Руководитель Б. Л. Железнов (Кутуй Р., Суфеев Р., Беляев К. и т. д.).

Четверг, с 7 часов вечера – читательские четверги (клуб им. Тукая, Дом печати, 5 этаж, ул. Баумана).

Литобъединение клуба Соцгорода. Руководитель Ян Винецкий, зав. отделом литературы, культуры и искусства «Сов. Татарии».

Ночь с 28 на 29 июля 1961 года

Верхотурье. Рыбалка на уральской речушке Актай.

О репродукциях Чюрлёниса. 1961 или 1962 год

Потрясающе. Сказочно. «Покой», «Жертва», «Соната весны», «Соната зимы», «Соната Солнца», «Истина», «Соната моря». У одних листов душно – будто в подушку уткнулся. У других – прохлада. Мороз по коже. Композитор. Чудовищное, большое воображение. Как будто в акваланге (батискафе) погружаюсь в волшебный мир... Полумистик, чародей.

Из газетной заметки «На голубом экране – поэзия» в рубрике «Показывает казанская телестудия». 1963. О поэтическом турнире молодых поэтов двух городов – Казани и Горького

«Казань представлена семью поэтами: Николай Беляев, Иван Данилов, Нелли Земляниченко, Рустем Кутуй, Виль Мустафин, Николай Назаров, Равиль Файзуллин... Читателям будет интересно узнать, что обе телестудии решили сделать поэтические турниры своей традицией».

1963

Станция Заструг, Кизнер. Из Ташкента до Оренбурга окна оттаять не смогли. Вот вам и среднеазиатская жара!

1963, студенческие годы

Было больно, когда стиху заламывали с хрустом руки за спину, и в таком виде, смиренного, помещали в газету. Это было в порядке вещей...

Усмерённые по ночам матёро ревели в пыльных редакционных подшивках и не могли освободить рук.

Аптекари от литературы напрягали стерильные, очень правильные мозги, дотошно расфасовывая мысли по полочкам, требовали поэзии. Чтоб как челнок в швейной машине – туда-сюда, ловко, по отполированному каналу. Стих косноязычно роптал и не лез в челночную канаву. Опять воспитывали. Я уходил в волны и берёзы. И всегда – в себя.

Август 1967 года

Леонид Иванович Топчий идёт по улице. Он высок, худощав, весь седой и одноглаз. Его встречает благообразный седобородый старик в чесучовом пиджаке и походя проникновенно утверждает: «А всё равно этому миру конец». А Топчий, хитрый пропойца, немедленно подтвердил с серьёзным видом: «Да, точно. Конец!» И пошёл дальше.

2 сентября 1968 года (понедельник)

6 часов 30 минут утра. Казанский аэропорт. Я улетаю в 7 часов 25 минут в Бугульму. В командировку от редакции газеты «Автомобилист». В 6 часов 30 минут провожают на «Ту-124» первого секретаря ЦК ВЛКСМ Евгения Тяжелникова. На «бетонке» – Раис Беляев, секретарь горкома партии, Олег Данилов, Ира Донская (I секр. ГК ВЛКСМ).

26 декабря 1968 года

Поступил во 2-е мужское отделение Республиканской психиатрической больницы (13-е отделение – алкогольное).

2 декабря, после обеда в Клубе больницы – ёлка. Пригласили джаз –

студентов-медиков. Посреди зала с бетонным полом – ёлка в огнях. Сцена. Занавес. Снегурочка, Дед Мороз, Карабас-Барабас и т. д. Заурядный, дешёвенький сценарий. Халтура. «Дурдом» – не исключение в предновогодние дни. Люди в больничных халатах. Мужчины и женщины. Молодые и в годах. Общий, хотя и в разной степени недуг. Хоровод «В лесу родилась ёлочка» – на полном серьёзе. Потом пляски под аккордеон санитаря. Бритые наголо девчонки в серых халатах. Проблески сознания, памяти прошлых лет, прошлых здоровых месяцев. Кое-кто понимает трагичность ситуации. Но горестно молчит, не уходит – единственное, как ни говори, развлечение за все долгие дни больничного «заточения». Впрочем, это слово можно употребить и без кавычек. В психиатрической больнице порядки и правила строжайшие. Всё кругом заперто на надёжные внутренние замки. Решётки, не разбиваемое стекло «сталинит»... На процедуры и из палаты в палату водят под конвоем сестёр, санитарок и медбратов. Один спереди, другой сзади... (Говорят, некоторые всё же находили способы выпрыгивать со 2-го этажа из окна и убежать прямо в больничной одежде, по снегу, через заборы...)

Новый год в «дурдоме». Прощальный вальс «Домино». Полумрак. Фонарь – прожектор над головами пытающихся танцевать.

Где-то в одной из дальних палат за десятками запертых дверей слышится песня, разудало-безалаберная. Это в остром отделении больной не может успокоиться...

Республиканская психиатрическая больница Минздрава ТАССР по слухам построена до революции каким-то крупным купцом в знак соболезнования, для лечения болезни своей психически неуравновешенной дочери.

2-е отделение самое спокойное и самое нормальное из спокойных. Элита больницы. Книжки, шахматы, шашки, домино, радио, телевизор... Ёлка в игрушках и огнях. Баян. Гармонь.

6 января 1969 года (понедельник)

Взвешивался до обеда в шерстяных носках, в нательной нижней рубашке, в больничных пижамных штанах – 67 килограммов.

16 января 1969 года

Старший лейтенант (один погон), другой погон – капитан. Со значком «Специалист» II класса прямо на одном из погон. На лацканах больничного костюма – эмблемы ремесленного училища. На груди – значок октябрёнка, сувенирные значки и т. д. Держится с достоинством, начальственно, торжественно – невозмутимо... Лет 35. Гордая осанка, полупрезрительный начальственный взгляд. Его коллеги по палате не обращают на всё это внимания, привыкли. Будто так и должно быть.

В психбольнице, во 2-м мужском, «самом здоровом» отделении в курилке на подоконнике выцарапано: «Кто не был, тот побудет, кто побыл, (тот) не забудет».

20 января 1969 года (понедельник)

Мутные узкие больничные стёкла заиндевевели. Каменные, в добрых полтора метра толщиной средневековые стены проморожены и неуютно отливают зелёной масляной краской. На улице, за двойными рамами окна – крещенские морозы. Крепостная, студёная тишина... Завтра – день моего рождения (исполнится – 28 лет).

Упасть, опуститься – проще простого. Легко. Никаких усилий. А вот подняться, преодолеть гнусные слабости, мягкую трясику безволия – неизмеримо трудней...

Закрываем заиндевевевшие окна газетами, чтоб не так беспощадно дуло и несло холодом. «Правдой», листами «Литературки»... Газеты вмерзают в окна, ниспадают на подоконник, как паруса дрейфующих во льдах судов.

Морозный орнамент на стёклах, как чернь на серебре. Ювелирное мастерство, фантастическое воображение в линиях, точках, фактуре.

А беззвучные, маленькие, далёкие люди за окнами – как из другого мира. Там своя, уже забывшаяся жизнь. Жизнь нормальных людей.

1 февраля 1969 года (суббота)

В больнице обрезают, убирают тщательно все верёвки, концы, на которых можно удавиться и т. д. Суперосторожность врачей. Двое пытались выбраться из окна со второго этажа на лёд.

Из глухой деревни привезли в дурдом больного (в деревне до этого он часто слышал, что «из дураков мыло делают»). В больнице он с тревогой и тщанием всё выяснял – какое мыло из него сделают: туалетное или хозяйственное.

Февраль. Сегодня в мёртвый час, после обеда, разбил верхнюю фрамугу, выбросился со второго этажа из острой половины 2-го мужского отделения худощавый обросший парень с глазами Демона. Босиком, в 30-градусный мороз, в одной больничной полосатой пижаме. Следы в сугробе под окнами лихорадочно уходили по кривой вдаль. Поймали. Переполох был. Как кадры восстания на броненосце «Потёмкин». Весь персонал: врачи, сёстры, санитары, нянечки – всё пришло в движение. Вот это был «мёртвый час».

Поймали. Привязали. Сделали несколько различных уловок. Пытались в постели вдолбить безуспешность и несостоятельность, никчемность попыток побега. Молчал, не возражал. Смотрел широко открытыми глазами. Красивое, чуточку измождённое лицо у парня. Тёмные, глубокие глаза. Много разговоров, комментариев.

Приёмный покой (маленькая мрачная комнатка) мужского отделения психбольницы напоминает чем-то камеры средневековых инквизиций. Стул (вовсе не стул, а намертво приколоченный к полу прочный ящик), всё прибито. Здоровые мужики – санитары с тупыми лицами мясников и палачей. Отсутствие интереса к судьбе больного. Казённый быт, казённая обстановка, казённые мысли. «Казённый дом».

**Отцвели уж давно хризантемы в саду,
А любовь всё живёт
в моём сердце больном.**

Полузабытый романс из нэповских времён в сумасшедшем доме, передаваемый по радио, производит странное впечатление. А потом сообщения о космонавтах Шаталове, Хрунове и т. д.

20 февраля 1969 года (четверг, 16 часов)

Меня выписали из психбольницы. Диагноз: дипсомания (неудержимое влечение к алкоголю, периодический запой).

Юля (дочь) любит: кабачковую икру, макароны с котлетой, ветчину, желе, холодец, шпроты, вермишель с маслом.

5 марта 1969 года. Из письма отцу в санаторий в г. Железноводск

Лечись крепче, на «полную катушку»... Здесь, в Казани, с 7 марта по 18 марта будет проходить первенство Советского Союза по боксу. Я включён в бригаду «Сов. Татарии» по освещению этих соревнований в газете... Чувствую себя отлично.

13 февраля 1970 года

Марш «Прощание славянки» написал какой-то солдат во время боёв на Шипке. Слушаю в Харькове. Этот марш напоминает детство в Верхнем Услоне. Под него прошло детство.

Март 1970 года

В прокате несколько пишущих машинок. И всегда «на руках», выданы. Сколько пишущих развелось. Все писатели? Витии? Время всеобщего графоманства?

10 апреля 1970 года (пятница), г. Казань

Последний день в Казани. Почти весь день в Доме печати. На прощание ходил с Максимом Глуховым. Он подарил сувенирчик (термометр минского производства, брелок) и в честь моего отъезда выпил (один) бутылку «Рубина» (1 р. 12 коп.) в забегаловке «Чайка» (на Кольце, площади Куйбышева).

Суббота, 11 апреля (1970)

Поезд «Сибиряк» (Москва–Новосибирск) в Казань пришёл с опозданием на 2 часа. Приходил на вокзал Борис Марихин.

Юля плакала дома. До этого спала. Лицо на подушке в рассветном сумраке – детское.

12 апреля (воскресенье, 1970)

Утром – г. Курган. После Кургана еду в купе один. Потом перешли из другого купе до Новосибирска. У Кургана пересёк реку Тобол, у Петропавловска – Ишим, у Омска – Иртыш.

13 апреля 1970 года

Ст. Тайга (перед Ачинском). Снег идёт. Автобус Икарус-Люкс «Абакан – Кызыл» (7 руб. 34 коп.). Мост через реку Абакан. Начало новой дороги Абакан – Тайшет. Мост через Енисей... Это путь через Саяны... В Саянах пять перевалов, каждый перевал имеет название...

Минусинск – купеческий город. Ленин ездил сюда в библиотеку заниматься... В Шушенском – большая турбаза. Оттуда туристы расползаются по Саянам.

...Саяны – целое государство. Снега, леса, туманы, дымка далей. Эпично... Едем в облаках. Солнце сквозь облака, кедры в снегу, туман. Ощущение нереальности, иллюзорности мира... Снега незапятнанны, ослепительны...

Громадный железный мост с фермами-пролётами выглядит среди Саянских скал и хребтов как потерянная детская игрушка.

Цепочки огней, фары: машины идут через Саяны. Подъём на Нулёвку – 342 км от Абакана, 94 км от Кызыла. Вот уже и граничный столб – колонна со щитом «Тувинская АССР». «Нулёвка» – нулевой пикет (термин геодезистов, очевидно).

Райцентр Туран. Ку-ку! Я – в Саянах!

1 сентября 1970 года

Телеграмму отправил 1 сентября в 10 ч. утра (по Кызыльскому времени).

Казань-44, Фурманова, 17, кв. 6 Даниловой Юле. = Юленька, родная, поздравляю началом многотрудного десятилетия учёбы. Учись старательно, настойчиво. Крепчайшего тебе здоровья, только отличных оценок в школе. Твой папа = Кызыл, редакция газеты «Тувинская правда». Данилов Иван.

24 сентября 1970 года

Пресс-конференция в Кызыльском Доме политпросвещения в связи с вопросами народного образования в Туве. В фойе (совпадение!) – выставка художников-акварелистов из всех родов и республик СССР (Москва, Грузия, Баку, Караганда, Молдавия и т.д.). (Группа художников ездила по Хакасии и Туве). Картины есть сильные. Акварель – своеобразная техника. Ядовитожёлтая эрзинская степь. Утро в Тодже. Ак-Довурак, Тувакобальт, Бий-Хем и т. д. Работы, выполненные в обобщённой условной манере, напомнили мне, как нужно видеть мир. А то я смотрел глазами буквалиста-газетчика. Без воображения, без домысла, без символики. Мысль моя была однозначна и буднично-примитивна, приземлена, трафаретно-шаблонна, в русле обычно-обывательского бескрылого взгляда на суть, существо вещей, предметов, явлений. Не было зоркости, цепкости к свежему, необычному. Неужели я переродился в мешанино-обывателя, неспособного увидеть искромётную свежесть мира, новой земли, нового народа, обычаев, нравов, этнографии и психологии и т. д. Это страшно. Обыденная газетная работа, суэта, текучка, цифирь подавила, видно, во мне художника; поэта, вечно удивляющегося ребёнка, зрелого аналитика, мыслителя. Пока не поздно – обрести художническое зрение, пусть даже путём жертвы газетным успехом.

19 октября 1970 года

Уже 10 дней, как в психиатрическом отделении Кызыльской республиканской больницы. Прочитал роман Леонида Завальнюка «Три холостяка».

Утро 12 ноября 1970 года (четверг)

Странное это ощущение – проснуться в раннем ноябре на краю страны. Утро приходит тремя мглистыми плоскостями окон, снизу промёрзлыми, разрисованными в ночь игольчато и непрозрачно. В комнате серо и все очертания предметов размыты. А в углах комнаты тьма, вернее, сумрак ещё плотнее.

Двухкомнатная квартира на 4-м (последнем) этаже. Холостяки (двое – я и Гриценко – спит за закрытой дверью в другой комнате). Предельный минимум мебели и предметов. Пахнет табаком и бесснежным ноябрём. Тёплого, хлебного, что ли, домашнего духа нет и в помине. Самое закоренелое «холостячество». Негромко говорит (бормочет) радио за закрытыми дверями, в другой комнате. Оно никогда не выключается. Всё-таки собеседник.

...Живу, просыпаюсь, дышу табаком в котловине, зажатой Саянами, на земле, носившей странное и дикое название Урянхайский край.

Ноябрь 1970 года

В Кызыле. Жили как можно дешевле. По-холостяцки. Банка «Балкана» – перец фаршированный (большая банка, вместительная) – всего 33 копейки. Десятикопеечные котлеты из магазина «Полуфабрикатов» – жарили на маргарине, сытно! На 1 рубль – 10 котлет. Хлеб хранили в кастрюле с крышкой – чтоб не засыхал и не черствел. Кофе с цикорием, дешёвый, 18 копеек или 21 копейка пачка. Сахар был не всегда... Соль, горчицу брали в кафе, закусовых, столовых – бесплатно.

Благо был газ, паровое отопление.

Ноябрь 1970 года

Тува ходит в казанских тапках. «Татарское ордена Ленина меховое объединение».

Кызыл, 24 декабря (четверг)

Утром – минус 41 градус. Днём ожидается 32–34 градуса мороза.

Декабрь 1970 года

Привожу из Саян ёлочки чужим детям. Нарасхват. А Юленьке моей кто привезёт? Там, на Волге.

29 декабря 1970 года

Купил тувинский сувенир из камня. Фигурку козла. Из камня агальматолита. Агальматолит – плотный и мягкий минерал тускло-зелёного цвета, разновидность пиррофиллита... Автор работы – резчик Ондар, работает в художественных мастерских, но не член Союза художников. Камень «взят» в Бай-Тайге. По его словам, делал эту вещь 7 вечеров после работы. Обычно такой сувенир стоит 15 рублей. Я купил за семь.

31 декабря 1970 года

10 часов вечера. На верхнем этаже редакции – деревянного домика – идёт празднество, звенят бокалы, произносятся тосты. Звучит музыка. А я сижу внизу, в отделе промышленности. Пишу ночной репортаж. Трезв, как судья. Интересное ощущение. Праздник проходит мимо меня.

У меня уже есть кусочек новогоднего праздника – хвойная ветка, насильственно отторгнутая от тайги, и пятиминутная ты.

Ресторан – кафе в Кызыле, на самом берегу, даже над водой, протоки Енисея, построен ресторан армянами. Название «Аян». Стеклоплатформы выходят на замёрзшую протоку Енисея. 4 часа дня (вечера) – светло ещё... Белые скатерти в ресторане. Народу почти нет... Вытаскиваю белоснежные тиснёные бумажные салфетки, и какой-то непонятный даже мне самому ритмизированный бред пишется на салфетке...

10 января 1971 года. Кызыл.

Из письма к матери в Казань

...1 декабря прошлого года мне объявили приказом по редакции благодарность и признали мои материалы в газете лучшими за месяц... С беспокойством думаю о своей казанской

рукописи в издательстве (стихи). Что-то ни слуху, ни духу. Если что-нибудь знаешь – напиши... Приехать что ли разобраться? Дороговато мне будет в оба конца – почти 140 руб... Автобусом через Саяны – долго, неудобно, да и небезопасно. Каждый день машины на перевалах летят с гор. Только об этом не принято писать и говорить вслух... Целую всех крепко, Юлю особо.

18 января 1971 года.

Из письма домой из Кызыла

В редакции ребята хорошие. Шеф мной доволен. Только очень скучаю по родным местам... Получил письмо от Рустема Кутуя. Всё-таки, сверх ожидания, надёжный он человек. Я всегда знал, что на него можно во многом положиться, было много случаев убедиться...

21 января 1971 года (четверг).

г. Кызыл. Тува

30 лет. Купил печёнки говяжьей на рубль... Поспал... Почитал «Литературку» и толстенный талмуд «Лев Толстой о литературе». Один в квартире Гриценко (он на телестудии где-то). К 6 часам вечера пошёл в редакцию на планёрку. Вернулся домой, Гриценко уже дома, пьяный в лоскуты. Пофилософствовали о поэзии (пьяный с трезвым). Сварили кофе, попили. Легли спать. 30 лет. Полдень жизни. Как зимний медведь, сплю в Саянской котловине в центре Азии.

**25 января 1971 года
(понедельник)**

Получил из Казани сразу пять писем от мамы. В том числе она переслала письмо и поздравление с 30-летием моей одноклассницы Тамары Ивановой-Брагиной. Она прислала мне гравюру «Сплавщики» в Казань. Я сразу же ей ответил:

«Тамара, здравствуй! Страшно поразился: ко мне за Саяны, к монгольской границе дошёл твой голос издалека, из полудетских лет... Это как светлое далёкое облачко – неверное, полузабытое... Немыслимо далёким ка-

жется сейчас то время. А поди ж ты – на днях на сороковые годы пошла жизнь, к четвёртому десятку. Попробую как-то о своём настроении привычной сказать – (хоть и грустно, но никто из живых людей не зажжёт 30 традиционных свечей в честь тридцатилетия!)

Тридцать лет. Светло, не пьяно.

Без оказии.

**Сплю в заснеженных Саянах.
В центре Азии.**

Итак, я живу в Туве (она только в 1944 году вошла в состав СССР), работаю в редакции газеты «Тувинская правда» (республиканская газета), в отделе пропаганды. В Кызыле – столице Тувы, на берегу Енисея стоит знаменитый памятник «Центр Азии». Вот куда меня занесло по собственной инициативе: решил здесь поработать. Может быть – год. Может быть – два. Приехал сюда в прошлом году, 14 апреля 1970 года. Прописался и т. п. То есть теперь я здешний житель. В Казани вот-вот должна выйти ещё одна моя книжка стихов «Дым отечества». Если получится, то и здесь, в Кызыле, постараюсь что-нибудь сделать. Во всяком случае, думаю, зря моё пребывание здесь, в Сибири, в «медвежьем углу» не будет. Думаю повестушку сделать. Но об этом пока рано загадывать.

А как ты живёшь-можешь? Что-то давненько от тебя никаких вестей. Как семейные дела? Письмо твоё – осколочек детства – многое из той школьной жизни напомнило... Где они, наши одноклассники, куда их раскидала жизнь? Связи почти ни с кем не поддерживаю. Как-то всё очень уплотнилось, и в суете каждодневной не сразу вспомнишь о тех далёких берегах...

До свиданья! Иван Данилов.

Мой адрес: Тувинская АССР, г. Кызыл, ул. Ленина, дом 17, редакция газеты «Тувинская правда», отдел пропаганды, Ивану Данилову».

Тувинцам нравились непонятные красивые слова, этими словами они называли (было время!) своих детей. До

сих пор в глухих и не очень глухих сумонах тихо изумляешься, когда встречаешь: Монгуш Облигация; Доржу Палимёт (т. е. пулемёт), Киров, Чапаев, Опера и т. д.

Саша Опера – инструктор производственной гимнастики из совхоза «Победа» Тандинского района. «Мазандаранский тигр» Тувы (борец) писал нам в редакцию. А. Опера. Звучит?

24–27 февраля 1971 года

Совхоз «Элегест». Ездили в горы. Может, куропатки, может, лисовин упадёт, а может козла в горах уложим. Козёл сиганул по диагонали, по склону, вниз, рыжевато-красный по снегу, стремглав – как не падает. Даже заряженное картечью ружьё не успел вытащить – исчез в редколесье и кустарнике на склоне противоположной горы.

В домике (не в юрте!) у чабана Бавуноола. Поехали по увалам, туда, куда на день выгнаны овцы. Тропки овечьи пробиты одна параллельно другой. И если овцы сытые, то будут гуськом идти по тропочкам. Первая овца остановится – смиренно стоит вся очередь овец, не ропщет. Как продовольственные очереди военных лет в тылу.

Когда овцы голодные – так не стоят. Разрыхляют, расталкивают передними копытцами снег, добираясь до травы.

Апрель 1971 года

В апреле 70 года я перевёл часы на четыре часа вперёд (уехал в Туву, в Сибирь из Казани). Время уже не московское. В прошлогоднем апреле я совершил побег. За Саяны. В Туву. К монгольской границе. Новые слова и понятия вошли в мой обиход: кошара, насторожить капканы, адаты, клинование зимних пастбищ, тайга, горы, перевалы, хребты, Грум-Гржимайло, оол, юрта, улус, чум...

С 19 марта 1971 года по 3 мая 1971 года (полтора месяца) лежал в республиканской психиатрической больнице в Чаа-Холе: Тувинская АССР, Улугхемский район, посёлок Чаа-Холь, психбольница.

Май 1971 года

...В ночь с 3 на 4 мая сошёл на кызыльский асфальт. Добрался до места ночлега. Извечное ощущение цикличности нашего бытия. Народы в ушедших эпохах отмеряли пласты времени от войны до войны, история – от революции до революции. Некоторые из моих знакомых – от полочки до полочки.

Чувствую, что буду измерять календарные сроки от письма до письма.

Сколько это протянется?..

Может, это и не письмо вовсе, а так... какие-то не совсем оформившиеся мысли – хаотичные, разбросанные – самая первая реакция на обрушившееся одиночество.

...Галка. Галя. Галчонок. Галина... Как вода перебегают с камня на камень. И думается, что – июль. Тепло. Лето. Так звучит это для меня. Так воспринимается единственное, что осталось у меня от смутного чаа-хольского времени, крепко окованного горами – твоё имя. Грудной, весеннее-тугой звук – Галя. Округлый, как облака. По-галочьи беспомощный, близкий, с детства знакомый (сестру звали Галиной) и родной звук.

Мир *того* апреля разят сейчас для меня на элементы, отдельные составляющие. Он никак не воспринимается как нечто целостное. Холодная чаа-хольская луна в полночи, расчерченная больничной решёткой. Аминазиноволлюминальный сон больных с полубредом и вскриками. Твои бесшумные появления (точнее «явления») в белом из мрака и каменного молчания коридоров. Лёгкое дыхание твоё над скомканной моей госпитальной постелью и сразу возникающее ощущение чего-то давно забытого, пронзительно-детского, домашнего, светлого и по-матерински уютного...

7 мая 1971 года

В Кызыл из Казани прилетел Рустем Кутуй с заданием от «Литературной России». Ездил в совхоз «Элегест», к директору совхоза, делегату XXIV съезда КПСС Фатиме Макаровне Зверевой.

О ней хочет написать материал. Остановился в гостинице «Кызыл» в одиночном номере...

Май 1971 года

Крупно мыслить. Не обывательски. Главное – цель – помнить – работать!!! Везде! Всегда! В командировке, в КПЗ, в тюрьме, на пасеке, в служебные часы, в больнице, в поле, на пляже, в пьяной компании, в поезде, на вокзале в ожидании транспорта, в трамвае, в тайге, во время свидания, в бессонницу, в спортивной игре, на торжественном заседании, во время лекции, официального мероприятия и т. д.

18 мая 1971 года в 9 часов 30 мин. (по тувинскому времени) приехали на хату к Гриценко и забрали меня в милицию. Посадили в КПЗ. Двое суток сидел в КПЗ, в камере № 3. Надпись «Комната для административных нарушителей». Волчок, вырезанный на конус внутрь камеры. Задвижка на волчок с внешней стороны. Дверь оббита листовым железом. Нары. Заполнены до отказа. Новенькие под нарами. Спят на бетонном полу. Спички, папиросы, ремни – всё буквально отбирают. Даже бумагу и карандаши отбирают.

В КПЗ кормят один раз в сутки. Банда без мяса (одна алюминиевая тарелка) и пайка хлеба (полбуханки) – это на целые сутки. Бак с водой и кружкой стоит в камере. Параша – молочная фляга с закрывашкой; пластина железная приварена к дну и этой пластиной – накладкой примыкается к цементному полу на замок.

Повезли в воронке из КПЗ на суд. Судья дал сразу по 15 суток, прочитав милицейские протоколы. Потом остригли. В четверг к ночи увезли в тюрьму. Ждали этого как счастья, просились даже в тюрьму – там просторнее спать, и полы не бетонные, и клопов нет, и веселее – народу в камерах больше.

Ремни, носовые платки разрешают (суточникам только курить нельзя). Гоняют (вывозят из зоны на машинах, под конвоем). Шмон – обыск (личный и в

камерах). Следственный изолятор № 1 МВД Тувинской АССР.

На весь Союз (СССР) примерно четыре тюрьмы. Только в камерах сидят, не работают. Примерно 15 мин. – прогулка в тюремном дворе и всё. Всё остальное – лагеря, следственные изоляторы, КПЗ (плюс детские колонии, высланные, с поражением в правах, условные сроки, расконвоированные (шофера часто).

В следственном изоляторе, в камере для указников (суточников, «декабристов») – один шахматы ночью съел, вылепленные из хлеба (засохшие, затвердевшие). Ими уже давно играли, не одна смена суточников (хлеба не было, а из КПЗ его привезли голодного). А пайки хлеба ни у кого не было. Или просто не дали. А он неопытный, стеснительный...

В шахматы играли на крашеной скамье, где гвоздём выцарапана доска – квадраты. А шахматы вылепил какой-то умелец уже давно.

Криминальные Тали и Ботвинники в глубокой незлобной печали.

26 мая – день рождения отца в Казани – Иван Николайчук пусть поздравит, пошлёт телеграмму «со свободы».

Кызыльский комбинат стройдеталей (вновь пущенный) – грузили цемент. 36 коп. – тонна – за погрузку на машину (в бумажном стандартном куле 50 кг).

Общие нары, рассчитанные на свободное размещение для сна 16 человек. Днём, с вечера никого лишнего осуждённые не пускают. Кому не хватает места (новички) спят под нарами. Но ночью, к утру (когда похолодает), все нары заняты, весь «блок». Вся эта «кассета» в 16 человек ведёт себя как единый организм, подчинённый единой централизованной команде. Все как один на правом боку, ноги у всех поджаты под себя, все как один калачиком: для тепла; единообразно под серыми ватниками (как патроны в патронташе).

26 мая – телеграмма в Казань. «Родной ничего не желаю так крепко

как здоровья тысячу раз здоровья. Береги себя – это самое главное. С шестидесятилетием. Будь счастлив. Твой сын Иван».

Отослал через Ивана Николаичука.

17 пятнадцатисуточников – 17 маленьких Везувиев, дымясь вышли из бетономесительного цеха, где разгружали цемент. Перед шмоном (перед въездом в зону) всё недозволенное отдавали единственной девочке-тувинке (спички, курево и т. д.). Она выходила из машины как шариковая бомба, начинённая до предела.

Лежали на траве у протоки Енисея. Солнце. Теплынь. Лёгкий ласковый ветерок. Плотно поели, выпили портвейна № 13 и лежим. Птицы в тополях поют, спать хочется, разморило. А сидим 15 суток. В обеденный перерыв хорошо жить. Я только сейчас окончательно понял, что я по натуре – бич. Настоящий законченный бич. Ленивый, охочий до выпивки, кайфа, прострации и романтики. Беззаботный, ничуть не думающий о будущем, о карьере, о семье, о долге и обязанностях.

14 февраля 1972 года (понедельник)

Мне минул 31 год. Вот так положение у меня на сегодняшний день! Ни работы, ни копейки (в буквальном смысле) денег. И их (денег) не предвидится. Квартиры нет, ни угла, ни кола – ничего. А на дворе – сибирская, не располагающая к оптимизму зима. Ни родных, ни семьи. Далёкий Кызыл на окраине Сибири. Должен всем, а мне ничего никто не должен. Должен вытрезвителью за два раза, в административную комиссию Кызыльского горисполкома за нарушение Положения о паспортах, все теребят, угрожают, гонят на мороз, преследуют – а где взять денег, укрыться от морозов? (Я уж не говорю о куске хлеба!) Ни пары целых носков, ничего. Сегодня к Гриценко приходил участковый, лейтенант Винников, застал меня, составил протокол, что я нахожусь и проживаю здесь без прописки. Через пару дней обязан явиться на админи-

стративную комиссию (17 февраля, четверг) в горисполком. Чудеса. Со всех сторон бьют, ловят, изгоняют. И так-то ведь хоть белугой реви. Ни убежища, ни работы, ни путной одежды, ни жратвы, ни рабочей специальности в руках. Когда сидел здесь в тюрьме 15 суток – там лучше – без забот хоть. Есть крыша над головой, какая бы ни на есть, а жратва, никто не ловит (уже пойман!). В бане не был месяца четыре, всё грязное, поизносилось, истёрлось, поистлело. Чужие развалившиеся ботинки, чужая рубашка, майка, пальто, шапка, пиджак, кем-то пожертвованный.

Главное – кругом милиция, домуправы разные, инспекторы и т. д. – как наваждение. Как прокажённый живёшь. Занять не у кого, кругом чужие, незнакомые. А до родных мест долгие тысячи километров – дом где-то далеко на западе, за Алтаем, за Сибирью, за Уралом... Сiju посреди Саянских студёных неприветливых хребтов, как в огромной ледяной клетке...

Неужели по духу, по нравственным устоям я бродяга бездомный? И тем доволен? По-видимому, я живу надеждой на лучшее будущее. А ведь годы уже приличные. Пора надежд, одних только надежд должна уж завершиться... Хотя я, впрочем, никогда и не мечтал только о материальном благополучии, о деньгах. Просто хочется что-то сделать в жизни по моей специальности, по моим влечениям, интересам.

P.S. Спать зимой можно в кочегарках, подвалах, иногда на автовокзале (если часто – примелькаешься милиции). Хорошо в крупных городах – там железнодорожные вокзалы, тёплые, с залом ожидания и т. д.

Простыни видел за два года два раза – в психбольнице и в вытрезвителье (а вообще-то там обычно редко простыни).

Якутская АССР, прииск Депутатский. 97 руб. – билет. Занять на дорогу: Рустем Кутуй, Лидия Ивановна Данилова, родители. Галка Чушкина, Александра Александровна Антуфьева. Иван Нико-

лайчук. (Сашка Русский, Юрка Зорин и т. д.)

8 июня 1972 года

Сидим в аэропорту Тоджи, куда прилетели на маленьких АН-2. Ждём, когда нас вертолёт по 2 человека забросят вглубь тайги на Ак-Суг*. Туда 1,5 часа вертолётного лёта. Топографы, геофизики, геологи-студенты горных и геологоразведочных техникумов и вузов. Со мной Виктор Александрович Антонов, бывший футболист (1922 г. рождения). Начальник партии Вячеслав Иванович Семёнов, ст. геолог Забелин Владимир Иванович, ст. геофизик Юрий Григорьевич Иванов. Практиканты: трое из Эстонии, один из Киева, трое из Иркутска (девчонки). Жара, жгём костры для варки пищи, ходим на Бий-Хем (Большой Енисей) мыться. Спим и живём в палатках в аэропорту Тоджи...

30 июня 1972 года (пятница)

В наш лагерь приехал Виктор Александрович Антонов (они – топографы – делают топооснову, рубят просеки, сдельщина, заработок, а у нас здесь, у геофизиков на электроразведке – тариф). Теперь они (втроём) будут рубить магистрали, профила на у нас недалеко от базового лагеря.

Надо написать и отослать письма: редактору газеты «Тувинская правда» Маслову Вас. Лавр.; домой; Пашке Плтанову; Рустему Кутую; в Харьков; Ивану Николайчуку; Люде Ивановой в Кызыл на главпочтамт; Саше Русскому; Гриценко; может быть – Актуфьевой Ал.Ал.

16 августа 1972 года

Ак-Суг. Высокогорье. Утром встали, вылезли из спальников – на поленьях, траве, камнях – густой иней. На вершинах выпал снег. В полдень – солнце, теплынь.

1972(?)

Она (Алка) прилетела в геолого-поисковую партию (в горах, в Саянах) неожиданно, хотя и позже, чем уже долетел слух, что в вертолёт садилась на коробки с кинолентами девица.

Почти в середине сезона. КИМ (сигареты) и остро-корейские «Самум», остро пахнущие аптекой. Длинные тёмные волосы, не совсем обычный, даже, кажется, не совсем русский разрез глаз, клетчатые, слегка расклешённые брючки, толстый вязаный свитер. Разговор случайный. Она: «Вот ты какой... а я о тебе слышала. (Иван Николайчук был в той же компании.)

Завязывается нечто неуловимое...

29 августа 1972 года

Снег. Чернотропье. С последней смены спускаются буровики (видны на склоне горы по ту сторону Ак-Суга) – чёрные точки на белом, среди деревьев петляют. Вот и другая вышка закончила скважину. Пробурили до глубины где-то 280 метров. Теперь – демонтаж вышек и монтаж их на новом месте...

До аэродрома (посадочной площадки) от посёлка, где мы живём – 7 км... Там же и избушка с нарами «Дом терпимости» – где испытывается терпение тех, кто неделями ждёт самолёта... До аэропорта – длинный сырой путь под луной, три горы, в том числе гора с профилем буровой...

Наш костёр на дороге, наши горькие сине-седые ягоды разлуки (жимолость, поздняя жимолость), красная, рубиновая кислица, чёрная (лесная) смородина, голубика. Все места, где мы приостанавливались, сидели, курили, берег у аэропортового Ак-Суга (первое прикосновение губ), камералка с раскладушкой, фонарь (электро), сноп света по бумагам на столе (детектив!) и саркастически-бессильное «Спокойной ночи!».

...Твои резиновые (старенькие) сапожки (чёрные), брюки светлые в мелкую клеточку, плащик болоньевый, сумка, корень какой-то хвостатый, как комета, и неожиданный самолёт с ев-

* Ак-Суг – река и месторождение полезных ископаемых, что в переводе на рус. яз. означает Белая Вода.

ропеизированной девицей в светлых брюках и тёмных очках. С самолёта – за ягодой сразу, вверх по склону. А нам уже не до ягод. Бег сквозь заросли вниз по склону, когда слышали самолёт.

И резкое, на бегу – презирая законы инерции, чисто древне-женское, неодолимое – оборот (всё!) назад – и... – мгновенно трансформированное, расплавленное – твои и мои давние годы – и – как в кимберлитовой трубке алмазы – вспышка, взрыв, жар – образование – сплав – родное в один миг.

Вчера, **19 сентября (вторник) 1972 года**, послал домой письмо, что, мол, вернулся из партии, из тайги, что писать оттуда нельзя было, что снова работаю в секретариате «Тувинской правды», что приняли хорошо, что пишите по редакционному адресу...

1972. Из письма Алле

Поздними вечерами – трезвыми и нетрезвыми – сам себе фокусник, вытаскивал одно воспоминание за другим. Все они оттуда, из той эры, из зелёной чистоты минувшего лета...

Сколько было писем к тебе! А утром – холмик ключев, белеющих бессильно, почти обморочно. Не то, не так. Пожожу, думаю. Пусть всё устоится, оформится...

Я живу в патриархальных условиях – с живым огнём в печке. И в полуметре от окна летом трава, а сейчас несмятый снег... Работаю на так называемой физической работе. Этим временным доволен, насколько можно быть довольным в моём положении. А вообще-то читаю всё время. Не пью... Сейчас вот эта строка прозвучит для тебя неожиданно и нелогично, видимо. Тем не менее – ты для меня в сегодняшнем Кызыле самый близкий человек (и понятный, и с кем бы хотелось говорить о больном)...

Не могу быть у тебя в общаге, не умею... Этот бабий галдёж, витающий дух адюльтера – извини, мне противно...

Аллочка, дорогая, скоро, может быть, через несколько часов я тебя

увидю. Как изъяснялись раньше, податель сего сможет тебя переправить в одну нору в Кызыле, где я болею, существую...

22 декабря 1972 года (пятница)

В «личной жизни» – Карибский кризис. А на улице – морозы. Я в высоком ранге «тунеядца».

Второй день – ни маковой росинки... Заходил Иван Николаичук утром. В курсе «всех дел»...

27 декабря 1972 года (среда), чит. зал

Мне б не надо с тобой видеться в эти дни (если уж быть дальновидным и осмотрительным) из-за будущих дней. А вот видишь как... Хочу видеть и всё.

Письмо Алле Дорофеевой 29 декабря 1972 года

С упорством заклинания хочу для тебя – «антилинейности мышления», нескольких в новогодье тропинок, каникулярно-январского дыхания (назло уч. планам!) и хороших людей в гости. И, как само собой разумеющееся, – нескончаемого, дерзко-задуманного счастья, собственного (своего!) смеха в этом глобально веселящемся мире! Ну, и в смысле некоего катарсиса – ностальгии по родине нашего двуединства – Белой Воде...

29 декабря 1972 года (пятница)

Мы познакомились где-то в августе (в начале) или в конце июля, в геологической партии в Ак-Суге. Прошло всего 6 с половиной месяцев. А столько уже обговорено и уже есть разочарования, переоценка ценностей. Эпизод это или надолго?

Видимо, я совершил крупную ошибку... Пред женщиной нельзя показываться слабым, подавленным обстоятельствами, растерянным от трудностей... Этого они не прощают.

Казань. 21 января 1973 года (воскресенье)

Прилетел из Кызыла в Казань. Как раз исполнилось 32 года мне...

Числа 28 января приезжала быв-

шая жена Нина в Казань из Нижнекамска. Она теперь кандидат экономических наук и вся преисполнена и переполнена этим новым своим качеством. Невероятно выросла в своих собственных глазах. Считает, что это нечто выдающееся. Наигранная скромность, сквозь которую нет-нет да проглянет всё то же дремучее тщеславие и высокомерие.

Резко выросли за время моего отсутствия (почти три года в Туве):

Ренат Харисов – публикация в московских изданиях с предисловиями, лауреат Республиканской премии комсомола им. М. Джалиля, сборник издал, ответ. секретарь Союза писателей ТАССР; Колька Беляев – целая книга переводов, собственные книжки; Диас Валеев – пьесы идут по СССР, книга идёт в Таткнигоиздате и в Москве, пьесы в журнале «Театр»; как обычно, плодит и пробоен Рустем Кутуй; Марс Шабаев – главный редактор издательства; Равиль Файзуллин кандидатскую делает, был председателем писательской организации в нефтяных краях; Роман Солнцев – книга за книгой.

Допустили ошибки и слетели с высот или на одной точке застыли Сафа Сабиров, Гена Капранов, Миша Скороходов; материально стеснены Паушкин, Топчий, Тихон Журавлёв, Самат Шакир, Юра Белостоцкий; тот же уровень у Юрки Меркулова (трёп без дела); пассивна Юлия Дубяго; не у дел Ян Винецкий...

11 февраля 1973 года (воскресенье)

Приходил Самат Шакир за переводом стиха «Тукай у памятника Пушкину». Заставил взять 10 руб. «за труды».

27 февраля 1973 года (из письма Галке Ч. в Кызыл)

...Прилетел в Казань как раз в свой день рождения, без телеграммы, без предупреждения – как снег на голову. Ахов-вздохов, конечно, было... Ну ничего, выдержал. Когда-то ведь надо было объявиться в родных краях...

Юлька совсем невеста стала, рост 137 см, учится в 3 классе, круглая отличница...

Снег лежит в городе чистый, белый, как в лесу. Кызыл вспоминается как шахта или кочегарка какая-то...

Только уже дома понял, что всё-таки зря я чересчур поторопился со своим стремительным отъездом – ведь даже забыл выписаться и сняться с военного учёта в военкомате. Да ничего – теперь концы во все стороны Союза кажутся не очень большими. День – и ты на краю света. Были бы монеты... Тем более, сами эти дорожные мытарства меня не особо отягощают – всё-таки добрых и понимающих людей на земле больше, чем плохих...

Тот сборник стихов, который я сдал в Татарское книжное издательство, уезжая в Туву, лежит у главного редактора. Сборник нужно переделывать, пересоставлять и дополнять новыми стихами.

2 марта 1973 года (из письма Ивану Николайчуку в Кызыл)

...Ну вот, я уже стал свыкаться с мыслью, что я дома, порой даже кажется, что всё, что было со мной в Кызыле, это вроде бы и не со мной. Тем не менее, помню почти ежеминутно, что где-то есть какой-то балдёжный, нищий, полуголодный, холодный, но страшно свободный мир – мир без запретов, без уверенного куска хлеба, мир, где нужно ловчить, разрабатывать планы, чтобы съесть, к примеру, тарелку горячего супа! А ведь в этом что-то есть, старина! Как-то целый день не сходило с языка языковское – «там, за далью непогоды, есть блаженная страна...» Всё-таки не нужно, Ваня, чересчур жалеть об урянхайских днях. Пусть и они будут в жизни как некий зыбкий пласт, готовый каждую минуту перевернуться...

Я сейчас пробиваю сборник стихов. Перевожу татарских поэтов. На днях вот должна быть подборка стихов Самата Шакира в еженедельной полосе «Литература и искусство» в «Сов. Татарии». А вообще-то пока ничего особенного. В основном с Юлей занимаюсь, уроки

с ней делаю. Даже по-новому научился делить многозначные числа. Век живи – век учись...

12 марта 1973 года

Первый день работал грузчиком на Казанском предприятии по фасовке соли... Ездить приходится на двух транспортах на другой конец города, на берег Волги, где солебаза.

Каждый обед взрывают соль, оцепляют всё кругом (взрывают только зимой, соль смерзается. Летом не взрывают). 120–150 руб. получают грузчики.

С утра рихтовал (выпрямлял) жестяные ящички под пачки соли. Грузим соль в машины, в вагоны. Летом, говорят, работать хорошо, кругом вода – Волга. Солебаза ведь – намытый земснарядом полуостров, вдающийся в Волгу. Кругом высятся подъёмные краны – мостовые и простые. Рядом громоздится глыба элеватора. В общем – портовая обстановка...

13 марта 1973 года (вторник)

После рабочего дня – пластом в кроватку. Всё тело ноет, каждая мышца как нарыв. С непривычки. Сегодня кроме четырёхосного вагона (64 тонны соли уходит в вагон) кирковали слежавшуюся, как цемент, соль. Ломы массивные, тяжеленные. Руки как чужие после работы. Старая работница-татарка (26 лет работает на солебазе) говорит, что во время войны заключённых из местных тюрем и лагерей пригоняли кирковать соль – каторжная работа. Теперь вольнонаёмных чернорабочих-грузчиков заставляют. Блестящая квалификация на 33-м году жизни.

16 марта 1973 года (пятница)

Сегодня был (наконец-то!) последний рабочий день недели. Трудно далась мне эта первая грузчицкая неделя. Конвейер, транспортёр неумолимо диктуют напряжённый рабочий ритм, без передышек и классических перекуров... Марк Зарецкий был прав когда-то в своём стихе: «Тот не знает, что такое отдых, тот, кто никогда не уставал!»

В 6 вечера приходил старый и до-

вольно странный молодой поэт (давно уже пишет стихи, мы с ним познакомились в литобъединении) Филиппов. Печальная судьба. Много лет пишет большую поэму... Он четыре раза лежал в психбольнице. Похоже на одну из форм шизофрении. Раньше я ничего особенного за ним не замечал, разве что его серьёзное ко всему отношение, искренность, антилегкомысленность, что ли. А теперь явственно усматривается что-то необычное во взгляде, выражении лица, рассуждениях. «Переделал таблицу Менделеева. Теперь она вкруговую, пустых клеток нет. Прибавляется у элементов по одному электрону к оболочке...» «Дома всё прослушивается, кто-то установил приборы...» «...Но это всё пустяки, главное, что не даёт покоя – меня должны расстрелять... Из-за поэмы, там такие мысли о религии, всякие проблемы поднимаются, приходи, считаешь...»

Кроме Филиппова, приходил и Самат Шакир. Просил скорее перевести его стихи, которые он уже обещал Наде Сальтиной в «Комсомолец Татарии», сказал заранее, что будут стихи в моих переводах. Надя заинтересовалась. И когда он, решив всё сделать побыстрее, предложил ей стихи (другие) в переводах Юрия Щербака, Надя их отложила и сказала Самату Шакиру, чтоб он принёс стихи в моих переводах. Что ж, придётся покорпеть...

У Диаса Валеева уже берут в «Литературной газете» интервью как у драматурга. Четыре драматурга поделились творческими планами: Евгений Габрилович, Анатолий Софронов, Игнатий Дворецкий и Диас Валеев... «Я инженер-геолог... Мою пьесу «Дарю тебе жизнь» принял театр имени Ермоловой...»

Апрель 1973 года

Месяц работаю на Казанском соле-фасовочном предприятии. Ежедневно приношу в волосы часть Баскунчака – серой (желтоватой) озёрной соли. Артёмовская соль (каменная) – белая, менее вкусная, хотя и более мелкая, красивая, белоснежная.

В Казани строят новый Дом печати (как его назовут?), похожий на мой книжный (застеклённый) стеллаж.

27 апреля 1973 года

Получил командировку от «Советской Татарии» в Набережные Челны, на КамАЗ. С 3 мая по 10 мая. Очерк о бригаде и о работе Камдорстроя.

**Май 1973 года
(О Паушкине 60-х годов)**

На нашей шумной, разноголосой и беспорядочной станции, которая звалась «Литконсультация при СП ТАССР», он был маневровым паровозом. Сформировывал, давал путёвку в дальние трансконтинентальные маршруты, в путь дальнего следования, могучие таранные составы. Иногда ошибался. Писал на вагоне мелом: Казань – «далеко и долго». А состав оказывался слабым, немощным и дальше пригородных картофельных полей не шёл. Разгону не хватало, запаса огня, мощи. Иные в тупик попадали и стояли там, пока не поржавеют колёса. Главное же, он сам был всего лишь, хоть и полезным, но маневровым паровозом, не способным выбраться – мощно и разгульно – за пределы станции.

**19 августа 1973 года
(воскресенье)**

Вот уже несколько дней живу на новой квартире на ул. Горького, с телефоном, где некогда жил Яша Дамский, а потом моя сестра Лида с семьёй. Первые дни со мной жил (3–4 дня) Алик Бауэр.

21 ноября 1973 года (среда)

В районе 7 часов вечера звонил в Нижнекамск Юленьке. Она была одна со своими двумя попугаями (Бой и Лира). Мать (Нина) была на работе в институте. А днём ещё в училище у неё занятия. Иногда Юля одна целыми днями дома...

У меня в крохотной холостяцкой комнатке – свечи в массивных подсвечниках. Приходят эстеты и думают: и я туда же, модно, под старину,

поэтично, богема, ультрасовременно, изыск, мол.

Пижоны. У вас свечи – только в таком истолковании. Вам не знакомы нищета, задолженность за квартиру, телефон, электроэнергию. За неуплату, бывает, отключают свет. Одну из двух пробок вывернут в счётчике и пломбу поставят. Пока не заплачу деньги. Вот отсюда и стеариновые свечи. А уж никак не от изыска, моды, бутафории...

**По вечерам канатоходец я –
Как улица узка и как коварна!**

30 ноября 1973 года (пятница)

Был дома у Толика Умерова. Пообедал, отдал часы и «Ин. лит-ру». Слушал пластинки из его джазовой коллекции...

Вечером приходила ко мне домой Неля Земляниченко поговорить о своих стихах. Как и что ей советовать? Ведь уже столько лет пишет, а сдвигов мало. Стихи для неё как некая отдушина (волю дать чувствам, излиться), всё это как-то очень по-любительски, непрофессионально... А ведь что можно сделать без систематических усилий, «застольно-каторжного» труда?!

1 декабря 1973 года (суббота)

Заходил Равиль Бухараев, сказал своё мнение о моём сборнике стихов, а я о его сборнике (рукописи).

Вечером звонил в Нижнекамск, говорил с Юлей и Ниной... Нина готовит для «Экономической науки» статью. И на 1974 год тоже в «Коммунисте Татарии» будет её статья. Собирать, мол, материал бы надо, а некогда, нагрузка большая. «Я – номинальная зав. кафедрой»... Юля круглая отличница.

Написал в этот вечер: «...Мне страшно верить – я тебя любил...»

5 декабря 1973 года (среда)

Звонил Р. Кутуй, Вахит Маннасыпов (видно, Вахит опять в загуле)... Днём звонил поэт Ильгиз Калимуллин. Поговорили о литературных делах...

**23 декабря 1973 года
(воскресенье)**

Сегодня, в «Комсомольце Татарии»

на 3-й полосе опубликован мой обзор стихов «Добывайте, ребята, опыт...» (Размышления по поводу стихов.) Сегодня же прилетели из Нижнекамска папа с мамой. Летали проведать Юленьку.

**24 декабря 1973 года
(понедельник)**

К 5 часам я сбегал на русскую секцию Союза писателей Татарии (обсуждали сборник стихов Равиля Бухараева).

Папа принёс новую портативную машинку «Москва-8». (Купил в комиссии за 120 рублей, 1971 года выпуска). Полностью исправна. Теперь только работать да работать. Нужно её окупить за полгода максимум. Иначе перед папой стыдно будет.

15 января 1974 года (вторник)

Звонил вечером Булат Галеев, сказал, что на втором этаже Вычислительного Центра КГУ («У Бегемота» – клуб так называется, дураки!) выставка Кости Васильева. А 17 января (четверг) в 4 часа дня будет её обсуждение. Сообщить, мол, кому сможешь, из наших. По этому же поводу обещал позвонить Лоренс Блинов мне, но, видимо, не застал дома. Я весь день болтался в Доме печати...

14 апреля 1974 года

Некто Вячеслав Алтунин. Сейчас кончает филологический факультет Казанского университета. Считается модернистом. Его два стиха сегодня принёс Лоренс Блинов. Лоренс, его брат-рабочий Владимир Блинов и Алтунин устроили некогда нашумевший вечер поэзии в университете. Сейчас опять хотят втроём в ВЦ (вычисл. центр) КГУ выступить.

Март – апрель 1974 года

Валентин Иванович Белокопытов (1931 года рождения): «В 1975 году сделаю книгу (ещё одну) о голоде 21 года». Книгу за книгой выпускает, поддерживает тесно нужные полезные связи, в том числе в Туве.

Максим Степанович Глухов тоже идёт упорно, целенаправленно к своей главной цели. Не разбрасывается по сторонам, по неперспективным мелочам.

Борис Марихин, по сравнению с ними, видимо, более эффектен, но менее эффективен в смысле будущего, компрометирует себя выпивкой, переоценил свои силы, «купились» на временный почёт.

Чей путь, чья судьба перспективней в итоге?

Стремительный путь Евгения Лисина наверх, к редакторскому креслу (и опять-таки явно не пьющий!). Не мелочь, не информашки, а добротные крупные, заметные материалы – глубокие, масштабные, аргументированные, безошибочные, проблемные, партийные. Нигде не скомпрометировал себя...

Путь Володи (Вахита) Шарипова (чуть в собкоры ТАСС не попал!). Упорная журналистская учёба, накопление знаний, выписки из книг. Ступень за ступенью вверх, к цели (опять-таки не пьёт, ни в чём не замешан). Трудом, потом добивался всего. Из потенциально посредственных – в надёжно хорошие, заметные. (Что толку, когда хоть и талантливые, а пьют: всё равно внизу, в грязи...)

Путь Марселя Зарипова (а Иван Кузнецов «горел», пил.)

Путь Лисина (а Клименков «горел», пил, сняли почётно).

Путь Запороженко (а Б. Марихин «горел», пил)

Примеров тысячи: талант, но пьёт – на месте; серый, но не пьёт – растёт вверх.

Не пьют: Булат Галеев, Лоренс Блинов, Мишка Хайкинсон, Алмаз Бикчен-таев, Колька Беляев, Диас Валеев и т. д. – добились, успели.

Не пить ни глоточка и бить в одну точку!

9 июня 1974 года (воскресенье)

Приходила старшая сестра Лида с дочерью. Сказала, что позавчера Нина

привезла Юлю к бабушке. Сама вернулась в Нижнекамск, а Юля на пасеку с бабушкой уехала. Там баню перестраивают. Как ножом резануло.

Кончат в корне образ жизни такой, какой до сих пор вёл. Труд, воля, спорт, здоровье, стихи, проза, журналистика.

26 июля 1974 года

Алла улетела на «Ил-18». А мы с Рустемом Хакимовым бродили по аэродромному полю, сели на аэротрапы, стоящие у изгороди в ряд (а ведь нельзя на поле находиться!) и смотрели, как взлетел самолёт, как скрылся на низком горизонте...

Рустем Хакимов. Красивый, незаметно-яркий... Как их мало! Но утрированно-взрывная гордость... И славная народно-просветительская жилка. С ним рядом (чтоб он был в каляпуше и босиком на холодной траве) идти легко... И долго можно идти...

Август 1974 года

У бездарного поэта А. Безыменского есть (вырвался) талантливый заголовок – «Трагедийная ночь» (не трагическая, а «трагедийная»).

Скачки – тоже поэзия. Правда, не в рифму. Ноздря в ноздю. Вдруг сбой. Колокол. Зрители (читатели). Тотализатор. Горько-купринское (только Христа ради не горьковско). Ржут: «А-а... Кутуй сбился...»

Обыватели! Осекитесь на слове, окститесь вы. Рано подломились ноги? Хрен – просто сбой! Понять ли вам?!

8–9 сентября 1974 года

Избушка на пасеке – ловушка сумрака по вечерам (на улице светлее, чем в избежке).

На пасеке заново выстроили ладную маленькую баньку. Строил хороший мастер, но полудремучий мужичонко (хотя и не старый). Обозначал очередность венцов в срубе римскими цифрами (I, II, III и т. д.) Цифру «четыре» сложно было для него написать – забывал, где палочка ставится – до или после «пятерки» (V). И не мудрствуя лукаво всегда писал: I, II, III, IIII, V, 6, 7, 8, 9, X (зачем

же ему было начинать римскими, уж просто знакомыми арабскими обозначал бы! Но нет, где-то видел римские цифры на срубах и решил «держаться марку»).

Пишу за дощатым, выкрашенным в жёлтую краску столом на поляне у пасеки, лицом к лесу. Сентябрь. И паутинка блеснёт, и грач с треском вырвется из сосняка, и муравей сноровисто переползёт отложенную в сторону шариковую ручку. Осенние крупные мухи ошалело барражируют над пожухлой, поваленной как попало травой. Умывальник на дереве, штабеля пиломатериала, ступеньки высокого крыльца – всё затянуло паутиной...

25 сентября 1974 года (среда)

Вечером, когда я пришёл с «шабашки», позвонил Рустем Кутуй (слегка выпивши): «Топчег больше нет!» До этого было известно, что Топчий пропал. Две недели его не было дома, и его никто не видел на улицах и в пивных. Юлия Владимировна Дубяго (его жена-сожительница) объявила розыск. И вот только сейчас нашли Топчег в морге. По предварительной информации Рустема Кутуя, Топчия сбило автомобилем где-то в Ленинском районе. А до этого умер Тобик (собака – неотъемлемый атрибут семьи Дубяго-Топчег). Рустем Кутуй принимает это очень остро и больно. Как и все поэты.

В один день, очевидно, поэтов Казани обожгла внезапная и мрачная весть: Топчий погиб.

Старик, ярыжка, поэт, прошедший огни и воды, лесоповал и сквозь все тернии и хулу... Вечный адмирал Нельсон, высокий, худой, пошатывающийся, как в сильный ветер на палубе. Походка – будто идёт падая грудью на встречный ветер. Седой и неторопливый. А ведь кому-то, пигмействующим, жирножрущим – это не в горе, не трогает ничуть...

27 сентября 1974 года (пятница)

Похороны Топчег Леонида Ивановича, поэта, бродяги, пьяницы.

В 9 часов утра должны были все

собраться в Союзе писателей у Юрия Белостоцкого. Я пришёл, никого, кроме Марка Зарецкого, самого Белостоцкого и татарских литконсультантов, нет. Марк носится насчёт могилы, гроба, венков, траурных лент и т. д. Собирают деньги – кто сколько может. Союз писателей выделил денег и автомашину.

В час дня должен был состояться вынос из квартиры. А до этого надо было съездить в морг 15-й больницы, обмыть, одеть во всё новое, только что купленное: костюм, рубашка, носки и т. д., взять в «бюро похоронных услуг» гроб, потом уж только привезти на квартиру, где они жили с Юлией Владимировной Дубяго (ул. Галеева, дом 8). Когда утром 27 сентября я зашёл к Белостоцкому в Союз писателей, Белостоцкий сказал, что Рустема Кутуя не будет и т. д. Заходил председатель правления Союза писателей Гариф Ахуну со значком депутата Верховного Совета СССР. Поинтересовался, как идут дела с организацией похорон.

До этого в коридоре Союза писателей встретила бесшменная техническая работница Союза писателей Мария Ивановна. Повздыхали мы с ней. Она сказала, что будто брата не стало, такое чувство. «Уж теперь-то его будут печатать», – сказала она.

Белостоцкий сказал, что, по предварительным сведениям, Топчего сбило ещё 14 сентября и он ещё 10 дней жил, хотя и не приходил в больнице в сознание. Лишь 25 сентября умер. Сбило якобы в районе Восстания, в Ленинском (теперь Московском, впрочем, районе), часов в 8 вечера. Вроде бы был Леонид Иванович нетрезвый... Хотя абсолютно точно пока никто не знает, как и что. На шабашку, на солебазу я в этот день не ходил (27 сент.). У Белостоцкого в этот день был обмен партийных билетов. Он хотел всё это успеть до похорон. Я его проводил до Бауманского райкома КПСС (ул. Свердлова). Обещал прийти на похороны, помочь нужно было. Прийти не смог. Утром другого дня звонил Володька-очкарик от Рустема Кутуя. Почему, мол, не был на похоронах.

А я торопился на шабашку, сказал: потом на эту тему поговорим, это разговор особый, и положил трубку.

Сентябрь – октябрь 1974 года

Геннадий Васильевич Пронин – «президент СССР». У него (Гены) 19 пунктов-условий в записной книжке, которым должна отвечать его будущая жена (по его мнению). Потом (когда приводит очередную кандидатуру) сидит с блокнотом на кухне и сосредоточенно сверяет соответствие с пунктами. Сокрушается, тяжело и шумно вздыхает в итоге...

8 октября 1974 года (вторник)

Позвонил Рустем Кутуй. Я спал, устав на «шабашке» на солебазе. Квартирант Анатолий Кузнецов записал по телефону Кутуевское, предназначенное мне:

**Не плачь, не плачь, Иванушка, –
пускай сама помается,
По маю-то, по маю-то на дне видны
все камушки...**

В чём смысл продиктованного Кутуем?

12 октября 1974 года (суббота)

У Юли – день рождения. Исполнилось 12 лет. Вечером звонил два раза в Нижнекамск... Говорили с Ниной о подписке на приложение к «Огоньку», о музыке Юли, о смерти Топчего. «Чего-то вы все бросили пить», – смеётся Нина. Сказал, что, возможно, человек, живущий у меня (в очках, с бородой), зайдёт к Юле домой передать подарок (он в командировку едет в Нижнекамск).

14 октября 1974 года

Пришла из Томска телеграмма: «Выехала четырнадцатого тридцать седьмым».

Значит, Алла приедет в Казань 16 октября в 6 ч. 57 м. вечера.

Октябрь 1974 года

Не пью. Все изумляются – небывалый случай. Родители в дичайшем молчаливом недоумении: боятся спугнуть мою просто ортодоксальную трезвость.

Незыблемость моего сегодняшнего состояния и видимое отсутствие внешних причин, импульсов даже где-то вызывает подозрения, что это слишком неспроста...

Умеров следит за мной, как можно иезуитски наблюдать слепого, идущего по рытвинам, ямам, колодцам: надолго ли хватит, когда, где, наконец, оступится...

Родители срочно гасят возможные места «провала»...

26 октября 1974 года (суббота)

Был на заседании поэтического сообщества «Посох», организованного братьями Блиновыми. Были Лоренс, Владимир, Иван Блиновы, две Люды, Света, Ия Якименко и ещё технарь, парень с бородкой. «Огласник» ещё не огласили. Ждут «кворума», полного собрания (насколько возможно) всех предполагаемых членов «Посоха». Не было Славы Алтунина (новоиспечённая жена его со свежим обручальным кольцом была – Люда), Володи Рошектаева...

Лоренс прочёл рассказ «Автобус» Хулио Кортасара, потом свои стихи, в том числе и новое «Затмение женщины». Поговорили (предварительно) о книге Л. Андреева «Сюрреализм» (1972) и о самом сюрреализме и о его методах, приёмах, технике. Договорились, что в следующее заседание я читаю свои прозаические штучки или штучку.

Работа по литературному редактированию для Таткнигоиздата. Редакция политической литературы. Дал Рустем Хакимов. Сборник (книга) статей работников идеологического фронта по вопросам пропаганды и агитации.

В целом авторский лист оплачивается 150–200 рублей за лист. «Литпереработчику» от 30 до 50 % от этой суммы.

28 октября 1974 года (понедельник)

В 5 часов вечера в Союзе писателей – заседание русской секции Союза писателей Татарии. Обсуждение сборника рассказов Валерия Сурова. Были:

Тихон Журавлёв (опоздал), Юрий Белостоцкий, Рустем Кутуй, Михаил Скороходов, Геннадий Паушкин, Мария Николаевна Елизарова, Нонна Орешина, Неля Земляниченко, Юлия Владимировна Дубяго (опоздала), Марсель Зарипов, Дмитрий Сычёв, Марк Зарецкий, Валерий Суров. Должна была быть Гортензия Никитина (читать рукопись), но не смогла придти...

21 ноября 1974 года (четверг)

Утром отдал Эльзе Губайдуллиной папку со стихами. На некоторых стоит внизу адрес: ул. Фурманова, 17–6. Эльза сказала, чтобы оставил стихи, которые ещё не публиковались. «Сейчас мне некогда, прочту – позвоню».

Декабрь 1974 года

Встретил в декабре Бориса Культина на ул. Горького. Помнит меня. Поговорили о джазе (он сказал, что самый лучший «держатель джазовых дисков» в Казани Эдик Скворцов (готовит докторскую диссертацию). Борис сам работает в КАИ, преподаёт английский язык. В экскурсионном бюро «водит» экскурсии иногда. Читал мне наизусть мои переводы из Самата Шакира о латышских стрелках...

31 декабря 1974 года (вторник)

Завтра 1975 год! Встал в 6.00. С гимном по радио. Оделся в спортивный костюм и кеды....Выбежал в сквер напротив дома (Лядской садик) под снежок (ещё мглисто), скользья между дворниками, елями, фонарными кругами. Тихие, сияющие – нелицедействующие окна Дома актёра...

1 января 1975 года

Костя Васильев в Новый год вместе со своими картинами находится в Москве. Илья Глазунов помогает ему устроить выставку в Москве, вообще помочь выбиться. Академик, зам. пред. Сов. мин. СССР Кириллин, министр культуры РСФСР Ю. Мелентьев были в мастерской у И.Глазунова, когда Костя Васильев и Гена Пронин, и Светлана там были. Кажется, Костя попал «в жилу».

Сборник стихов (мой!) «Зимняя птица» (или «Птица долгой зимы»). Написать, значит, надо программный стих на эту тему, чтобы оправдать название.

5 февраля 1975 года (среда)

«На молодёжной радиоволне» в 21.00... передавали мои стихи (3 штуки):

1) «Ранний снег» («...Вдруг природа низвела...»).

2) «Перед снегом» («Скрипит неторопливая телега...»).

3) «Принимаю влюблённо, в преклоненьи колен...».

Читал актёр Большого драматического театра имени Качалова Валерий Косенков. Редактор Эльвира Кудрецкая.

1975 год

Просторные, тихие коридоры Союза писателей, высокие, казалось, недоступные потолки, холодные, голубоватого масла стены вселяли какую-то неуверенность и почти робость в начинающих, пришедших на литературную консультацию...

Перевод (стихов), точный перевод, близкий к оригиналу – это укладывание в чемодан чужих вещей, аккуратно, стопка к стопке, чтоб всё уместилось, чтоб ничего не выбросить и не положить лишнего, чужого, тем более – своего... Впрочем, бывают случаи, когда без вкладывания своих собственных вещей в этот чемодан не обойтись. Иначе образуются пустоты, которые непозволительны и недопустимы в этом чемодане.

Октябрь 1975 года

Свидетельство о рождении. Данилов Глеб Иванович, родился 24 июля 1975 года, Казань, ТАССР. О чём в книге регистрации актов о рождении 15 октября 1975 года произведена запись за № 4154. Родители: отец Данилов Иван Иванович, мать Дорофеева Алла Иннокентьевна...

Декабрь 1975, Тува

Тоджа. Морозы в Тоора-Хеме в декабре 75 года минус 35–48 градусов.

Ночь в избушке на Шарам-хуле, у Ивана Лучинкина (сам он с женой Надей уехал в Тоора-Хем). Как на пасеке, избушка, только с учётом сильных морозов и тайги: потолки низкие, нары под потолок, высокие, широкие – тепло наверху сохраняется дольше, когда за ночь избушку выстужает. Открытка белого медведя на Северном полюсе, керосиновая лампа, голос Пекина по транзистору, железная печурка самодельная, бутылка на бечёвке у краёв подоконника (чтоб со стёкол вода в них стекала)...

Собака (у Ивана Лучинкина), как телёнок, большая. Старшина – так её звать. В 11 месяцев уже берлогу нашла, хотя и не лайка.

Капкан на волка: чтоб ни ржавчины, ничего не было, руки протирать хвоей, капкан вываривать в хвое, красить белой краской (под цвет снега) – волк и под снегом его видит будто бы. Даже сумку, в которой капкан нести, и то проваривают в хвое и веточки хвойные кладут в сумку (чтоб ни малейшего нелесного запаха не было, чтоб ни железом, ни человеком, ни потом человеческим не пахло).

Салфетки все в ресторанах (Иркутская обл.) поворачивали охотники: капканы маскировать (под цвет снега).

24 декабря 1975 года

Третий день живу в тайге, в охотничьей избушке на озере Шарам-куль. Хозяин избушки Иван Семёнович Лучинкин (приблизительно 1933 года рождения, родом из Красноярского края) уехал в отпуск на полтора месяца на родину. Избушку оставил тестю Дорофееву Иннокентию Арсентьевичу. Живём втроём: я, тесть и охотник Рязанов Виктор Алексеевич. Рязанов поймал вчера зайца на петлю (делается из тонкой упругой проволоки). Сегодня зайца мы съели – жаркое и суп из него. Ходили с тестем через хребет на Красное озеро к заброшенной избушке. Посмотрели следы – какой зверь и где ходит... Есть следы волков, 7–8 штук. Много следов зайцев. Одна белка пробежала. Трёх

рябчиков видели. Маральи следы на солнцепёке (южный склон перевала). Видели на Красном озере след маленького рысёнка.

Декабрь 1975 года

На Олбуке: изба Алькова, таёжника. Ружья и карабины на стенах бревенчатых – как самое ценное, жизненно необходимое, «кормящее», на почётном, обихоженом месте...

Бревенчатый сруб с непривычно высоким («аристократическим» по тем местам и обычаям) потолком, побелены эти стены прямо по брёвнам и «конопатке», без обоев и без штукатурки. Столы и табуретки – всё самодельное. Бензопила «Дружба» – наиболее ценная вещь, транзистор ВЭФ-201, электрофонарики («китайский» – как большой серебряный пестик для ступки), стиральная машина, керосиновые лампы, работающие на солярке...

Неизменный ветеран – сундук – тоже есть. Сохнувший, разложенный везде лук (ценный продукт!)

Выражение у Факаевны на Олбуке: «беда и выручка». Например, «картошка у меня – беда и выручка», «этот чайник у нас – беда и выручка», «мужик у неё – беда и выручка» (т. е. хороший, незаменимый, выручает из всех бед и затруднительных положений). Также говорят о необходимой, насущно нужной вещи, предмете, инструменте и т. д. Екатерина Факаевна – из старообрядческой семьи на Горном Алтае. У неё и на Тодже хранится (хотя сама не верует) лестовка (атрибут староверского моления).

У Фатеевича (таёжник на Олбуке) мундштук из колпачка самой массово-дешёвой пластмассовой шариковой ручки. XX век! (А кругом – дорогой материал под мундштук – рога, коренья твёрдых пород и т. д.)

Фатеевич – на все руки. В тайге всё сам. Человек создал себя для жизни в полной независимости от людей (насколько это вообще возможно). Хоть валенки перекатать, хоть подшить – что угодно, хоть бродни из кожи заново

вошить, хоть убить и выделывать для продажи шкуру медведя, хоть из сотен трав (даже редкостных) лекарство от любой болезни сварить или изготовить, хоть ружьё или винтовку починить, хоть транзистор или часы наладить, печь любую сложить, дом перебрать заново по брёвнышку, хоть соболя добыть, колонка, марала, роды у коровы (тёлка) принять, рябчиков изготовить – пальчики оближешь, любое варенье-соленье приготовить, строганину из олбукского мороженого сига, в бане пар создать – лучше не придумаешь, лодку сделать для рыбалки от нуля, корову подоить, дизельный движок для электричества починить, утопленника из-под льда вытащить, волков с «тосканиной» и стрихнином вытравить, найти любую тропу через любой хребет таёжный, тепло переночевать в 50-градусной тайге на снегу, самодельную свечу сделать, старообрядческую лестовкушить и изукрасить, определить переходы (массовые) и предугадать белок, урожай ореха на будущий год определить, тайменя на острогу... книжку старообрядческую переплести, рысью, тарбаганью шапку сшить, чучело любой птицы или зверя сотворить, огурцы в Сибири вырастить под окном (парники), помазок для бритья из колонка сделать, лыжи (широкие, охотничьи) сработать и оббить камусом (шкурой ноги лошади).

На Олбуке у Альковых висят на верёвочках в огороде ястребы-тетеревики и коршуны (убитые), и на шестах с поперечиной привязаны на огороде, чтоб курицы на огород не лезли, боялись чтоб.

А красотища там – не каждому глазу впору.

В Тоора-Хеме свободно то, чего нет в Казани: чёрный перец, чай индийский, седуксен (лекарство), термосы, книги.

27 февраля 1976 года (пятница)

Сегодня в Тоора-Хем пришёл заказной пакет от отца. Он переслал мне его из издательства «Советский писатель» с тремя экземплярами «Издательского

договора», чтоб я подписал. Со стороны издательства договор подпишет председатель правления издательства Николай Васильевич Лесючевский. Перевод с татарского языка стихов Р. Файзуллина из его книги, которая выйдет в 1976 году в издательстве «Советский писатель» «Миг возвращения».

Со 2 марта (вторник) 1976 года зачислен на должность санитара в Тоджинской СЭС (санэпидстанции). До этого баба-предшественница «запилась» и не выходила на работу. Работники СЭС замерзали, сами кололи дрова, топили печи, мыли сами пробирки и «чашки» из-под анализов (пробирок штук сто и столько же двойных чашечек стеклянно-прозрачных: чашечка-крышка, чашечка-крышка и т. д.). Работа санитара (топка печей, мытьё полов, пробирок, мытьё стеклопосуды из-под анализов) – 80 рублей в месяц (вместе с тоджинским коэффициентом и сколько-то процентов за вредность).

Эх, забор ты мой тесовый, дождями состаренный. А в сырости такой занудливой и балалайка не звенит... Дни тасовать можно, как хочешь – всё одно не перепутаешь...

5 апреля 1976 года (понедельник)

Прилетели из Красноярска в Казань с Аллой и Глебом. Наконец-то дома. Квартиру не узнали – отремонтирована до блеска. Ещё краской слегка в комнатах пахнет. Шторы на окнах, чистота. Полы ещё слегка прилипают к ступням. Отсыпались, рассматривали квартиру...

27 июня 1976 года (воскресенье)

В Казани, на ул. Фурманова, когда отец мой на пасеке был, и без меня тоже, Глеб впервые сделал пять шагов самостоятельно один от Аллы к бабушке и обратно. Примерно в час дня. А ему было в этот момент 11 месяцев и три дня.

Октябрь – ноябрь 1976 года

Погиб Костя Васильев (Константин Алексеевич Васильев). В последних

числах октября 1976 года, вместе с Аркадием Поповым. «На смерть, как и на солнце – во все глаза не взглянешь». Костя с 1942 года рождения. Накануне, в сентябре, ему исполнилось 34 года. Всё произошло в 9–10 ч. вечера, в пятницу, поезд Свердловск – Сочи.

Сшибло поездом в пятницу 29 октября 76 года. Они шли между путями. Раб. пос. Васильево, автобус до ул. Ленина, дом 61.

«Константину Васильеву от друзей»

«Константину Васильеву от СКБ «Прометей»...

ЗИЛ 97–33 ТТР, учебный треугольник над кабиной, «лабухи» – музыканты местные...

Шарф в ногах Кости чей-то, снег в саду около дома Кости. Полотенце – в грязи длинные концы... Полные туфли и ботинки снега у всех на кладбище. Уже в поезде и в Казани на ж/д вокзале пьяная истерика Рустема-маленького (сотрудника Булата Галеева). Полушалые глаза (от бессонницы и водки) Вильки Мустафина.

24 ноября 1976 года (среда)

...Вечером ходили с Аллой на выставку Николая Фешина (1881–1955). Из собраний США тоже работы привезли. Читал книгу отзывов.

27 января 1977 года (четверг)

Профессор Э. Ситдииков сделал операцию (вырезал аденому) моему отцу. Операция длилась полтора часа. Сажу у телефона дома, жду звонка сестры Гали – как папа будет просыпаться от наркоза...

25 марта 1977 года (пятница)

...18 марта улетела в Кызыл моя тёща Лидия Алексеевна Дорофеева. Жила у нас ровно месяц.

Июль 1977 года

Алла взяла на 20 июля билеты на самолёт до Красноярска (транзит Казань – Кызыл). Летит в отпуск с Глебом в Тора-Хем. Аллин отец уже в Кызыле, ждёт её, чтобы встретиться с Глебом. Алла вернётся в Казань числа 20 августа.

Заметки с пасеки (июль–август 1977 года)

Ощущение вернувшегося (беззаботного, беспечного, безоблачного) детства после дневного послеобеденного сна на пасеке (в солнечную, тёплую погоду в конце июля). В первые минуты пробуждения, пока в себя приходил – вроде бы (для полной иллюзии) – причудился голос Василия Ильича Гужавина (покойного сейчас).

...А перед этим дня за два-три – ощущение последнего (может быть) приотцовского счастья в парной деревянной баньке на пасеке. Баня собственная, отцовская. На полу баньки мягкие брезенты (всё равно, мол, стирать – поэтому их на пол мать постелила). В окошко бани – позднейюльская уже высокая (в апогее?) растительность: зелёное с золотым, всё залито солнцем, гудят пчелы, шуршат кузнечики, покой, запахи медогона...

После хлестанья веником ложился в предбаннике головой на нары и смотрел в голубое небо (весь дымящийся от жара, в прилипших берёзовых листьях, с колотящимся сердцем). Ощущение тугое, бессильное, счастливое...

Август 1977 года

Телеграмма: Тоора-Хем Тувинской АССР до востребования Дорофеевой Алле Иннокентьевне.

Считал дни. Тысячу раз целую тебя Глеба. Колю дрова. Топлю баню. Жду. Очень жду Оказывается не привык один. Иван.

На почти неделю я превратился в медового шарманщика (медогонка как огромная шарманка, крути знай).

...Рокот медогонки, вспыхивающий в жёлтом свете электролампочки, висящей под сосновым потолком, набрызг на стенках медогонки, выскобленные предварительно добела широкие некрашенные сосновые половицы (качка мёда – праздник!). Счистка прополиса с рамок, первый чай с сотовым мёдом (или со срезками забрусевших рамок), фляги с мёдом, попыхивание дыма-

рей, разговоры о «детках», о «матках», «пади», «подкормке», «червит» или «не червит», рой, «привой»...

Парная баня по окончании работ...

Вечерние, слегка усталые спокойные беседы пчеловодов, только сигаретки попыхивают в сумраке. Запах медосбора по всей округе...

Сентябрь 1977 года

С Глебом 13 сентября у парка Горького смотрели, как студентки и студенты спортфака пединститута тренируются на роликовых лыжах на асфальтовых аллеях.

15 сентября 1977 года (четверг)...

Деловое предложение Рустема Хакимова (переводы, вступление в члены СП и т. д.).

25 января 1978 года (среда)

С утра перевожу Сибгата Хакима. Срочная работа.

1978 год

Булат Галеев, Борис Марихин, Р. Кутуй, Виль Мустафин, Зарецкий, Г. А. Паушкин, Сергей Божко, Ира Сорокина, Толя Кузнецов, Виктор Смирнов, Миша Белгородский, Фатых Халилович Минушев, отец-мать, Галя Хохломина, Рустем Хакимов, Слава Петрулевич, Ия Якименко, Гортензия Никитина, Эльвира Кудрецкая, Эльза Губайдуллина, Марсель Зарипов, Альянс Сабиров, Рафаэль Мустафин – поддерживать связь.

На утро 17 апреля 1978 года (понедельник): 763 строчки написались. (на 14 марта 1978 года было 330). Остановить пока этот количественный рост. Лучше качество стихов, чем количество. Пора давно сдавать книгу в издательство. Ведь первая книжка вышла ещё в 1966 году. 12 лет прошло. Ужас. За это время целый роман можно написать трёхтомный. Да ещё повестей навалом...

Получил за переводы от Самата Шакира 17 руб. 28 коп.

**23 апреля 1978 года
(воскресенье)**

Звонил Рустем Хакимов... Договорились, что я в понедельник приду домой за подстрочниками Гарая Рахима. Он, Рустем, будет ждать.

3 мая 1978 года (среда)

Ходил в актовый зал учебного здания КАИ (ул. Карла Маркса) на очередной смотр-концерт СКБ «Прометей» по пригласительному билету. Был проф. А.П. Норден. Сопровождающий рассказ Булата, ролики кино, слайды, демонстрация новых (и старых) установок и работ, приборов.

28 июня 1978 года

Алла улетела в Тоора-Хем в ночь с 27 на 28 июня 78 года.

**Письмо Аллы июнь – июль
1978 года**

«Прости, Ива, за мелочь, за азиатство, за четыре года. Не получилось из меня тыла. Не поминай всегда лихом. Пусть у тебя всё будет хорошо. Я благодарю тебя, Иван, за всё, что было, ни о чём не жалею. Дай бог силы не приползти на коленях к тебе. Помяни нашу свечку и езжай на пасеку.

P.S. Для соседей, как ты хотел, я уехала в отпуск, а там на год и т. д. Книжки прочитаю и вышлю. Цветаеву оставь себе. Она тебе нужнее.

Целую тебя, Ивушка.
Алла».

30 июня 1978 года. Письмо Алле

Привет! Пишу с главпочтамта, сейчас еду на пасеку... Что мне тебе сказать?

Отдыхай пока, думай. Думай за себя и за Глеба. Всё это, конечно, красиво, может быть. Но не слишком умно. Проводил бы...

...Много хотел написать. Пока не стоит. Скажу просто – пиши письма часто, как дневник. Через день-два. Очень важно. Буду знать, что пока всё в порядке.

Привет родным. Иван. Целую обоих.

**30 июня (пятница). Из письма
Аллы 16 июля 1978 года**

Здравствуй, Ваня!..Просто решила однажды часть твоих планов претворить в жизнь. Осуществить твой «идеальный вариант» – остаться свободным... Ведь уехала я не вдруг. Весь последний год мы только и взвешивали. И рвать невыносимо было. А в последний день я вообще хотела всю жизнь просидеть возле тебя. Так было страшно и тошно...

...Поняла, что «интеллектуальная» выпивка для тебя – удовольствие. А от удовольствий отказаться трудно, если не хочешь и нет тормоза (я – не он).

...Мне ли, психической азиатке, лечить твою изболевшуюся умную душу? Я ведь изводила параллельно тебя. А остатки доставались Глебу...

Ты чувствуешь, что мы с Глебом нуждаемся в тебе и любим тебя. Но, может быть, лучше перетерпеть? Из всех троих плакать можно только над Глебом. Ему хуже всех. Это ясно и тебе, и мне. Но что сделают с ним наши трагикомические ночи и судорожные дни?! Вот моя шаткая платформа... Ваня, я от дум не знаю куда деваться...

3 августа 1978 года (четверг)

Приехал утром с пасеки на Горького. С главпочтамта отослал в Тоора-Хем заказное с уведомлением письмо Алле:

«Сосновый привет (наскоро обструганный, пасечный)!

...Не знаю, сколько у тебя там советчиков и что за советы... Буду писать так, будто ты где-то одна... Порой мне кажется, что ты не представляешь, что речь идёт о линии судьбы в целом, а не о каких-то прыжках-скачках вдоль её (судьбы) и поперёк, вперёд и назад...Глеб не тот, кем играть. Да и весь этот «детективный» отъезд для 28-летней женщины...

Вот уже с неделю на пасеке живёт Юля (родительница с Муськой уехали на Азовское море). Вот временной разрез, который, кстати, может касаться и тебя. Жуткий урок. Отношение нынешней Юльки к Нинкиному шагу в 1967 году. Это трагедия в её глазах.

Она, как я понял, никогда не простит матери. Мы много с ней об этом говорили. То, что казалось разумным тогда (тактически), обернулось в целом неоправдано хреново (стратегически). Созданный «макет счастья» рушится. Мат. благополучие, оказывается, в итоге ничего не искупило. Комплекс неполноценности у Юльки ярко и закоренело выражен...

С 29 июня по сегодняшний день длится абсолютно сухой период... За этот месяц с лишним окреп, бегаю по утрам до главной пасечной работы в сторону Чистого озера (километра 3)...

30 июля в «Сов. Тат.» (в полосе «Литература и искусство» подборка переводов Рустема Хакимова и Сибгата Хакима (четыре стиха, мои переводы)).

...Для трезвой ориентировки: жизни (семейной) в письмах не бывает. Да я её и не принял бы. Телеграфируй о надобностях материальных в связи с приездом. Если остаётесь – тоже кратко, без объяснения причин, телеграфируй – и пусть будет по-твоему...

Остаюсь пока весь твой и ваш, Ив., отец».

Из письма Аллы 26 августа 1978 года

Ива, мы не приедем. Сквозь время, пространство, узлы судьбы – отношусь к тебе неизменно аксугски. «Как некий очищающий катарсис» – наши лучшие дни. Целуем тебя... Очень тоскуем...

20 сентября 1978 года

Алла, родная моя, я схожу с ума без тебя... И каждая твоя фраза в письме ко мне или к моим родителям, даже вроде бы пустяковая – ножом по сердцу. Казалось – лучше б ругала, говорила, что ненавидишь – вроде б легче было, что ли. Знаю все твои письма наизусть. Живу ими....Три ночи не спал. Бред какой-то...

Что, родная, мне делать? Сотни всяких вариантов перебирал, хотел забыться в колхозе (выезжал на месяц) – абсолютно ничего не получается. Всё нарастает со страшной силой – найти

где угодно тебя, обнять и вымолить возможность быть с тобой где угодно, в каком угодно качестве, в какой угодно дыре, собачьей конуре, впроголодь, лишь бы отошла душа от ледяной стужи, от одиночества (понял, что случилось страшное, когда – не знаю, может быть, давно – с любимым человеком, вплоть до родителей – с любимым на земле я одинок. Только ты и Глеб – там я могу жить...

Жутко, как-то нечеловечески люблю тебя в самом страшном и безысходном смысле...

Передай маме и папе, что готов упасть в ноги ради тебя, кровинка моя, моё последнее, мать моего сына...

В субботу, 3 марта 1979 года в 17 часов, в физкорпусе университета (высотное здание) в 212 аудитории будет демонстрироваться фильм о Косте Васильеве (Гена Пронин всех обзвонил, предупредил).

25 июня 1985 года (вторник), Челны

С утра ездили в Елабугу на автобусе за материалом для обшивки дверей вчетвером: Юра Кучумов, Валя (его жена), Гена Капранов и я. А по возвращении в Челны примерно половину 4-го дня Гена с Юрой пошли на рыбалку на Каму.

Где-то около 5 часов в грозу Гену убило молнией. Около 8 часов вечера с берега увезли в морг. До этого была машина реанимации, но Гену не взяла.

Приехала милиция и, исполнив все формальности, отвезла Гену в морг.

Шекспир «Живи с грозой...».

В ажиотаж газетно-телевизионно-радийный о космических войнах Гена – как бы первая жертва космических войн.

Юра рассказывал, что весь берег Камы был тесно усеян рыбаками, сотнями не-поэтов, а молния выбрала поэта.

Молния ударила в грудь, а вышла в правой ступне, вырвав и опалив правый носок и правую туфлю. Рыбаки, бывшие рядом, закопали туловище в песок (го-

воят, это при ударе молнии помогает). Но не помогло.

А у его племянника Андрея скоро свадьба в Казани. Самое горькое «горько» будет Генино. Оповестить, чтоб были на похоронах, Виля Мустафина, Рустема Кутуя, Андрея-философа, племянниц Люсю и Иру и всех близких.

Поздно вечером позвонили в Казань, чтоб Шаврин сходил к Валерию Капранову...

...Книга о Бермудском треугольнике осталась открытой на 197 странице. Он её читал все последние дни. (Лоуренс Д. Куше. «Бермудский треугольник: мифы и реальность», перевод с английского, Москва, изд-во «Прогресс», 1983 год).

А утром, 25 июня, в день гибели, во время «утреннего перекура» у подъезда (лето, тепло!) он ещё раз сказал, что доживёт до 2000 года (как минимум).

Гена Капранов погиб 25 июня 1985 г, примерно в 17. 30 от удара молнии (Нижнекамская ГЭС, район шлюзов, г. Набережные Челны)...

1986 год

Мы с Пикассо женились в один год в 1961 году, я на Нинке Камельской, а он на Жаклин Рок. Мне было 20 лет, Пикассо исполнился 81 год.

3 июля 1986 года

На 75-м году жизни скончался народный поэт Татарии Сибгат Хаким... Гражданская панихида – 5 июля в 11 часов в Доме актёра (ул. Щапова, 37).

4 июля 1986 года, с. Енабердино

Решили с Юрой Кучумовым от нечего делать в пустой деревенской избе провести эксперимент. Вот, мол, сейчас 5 часов дня (вечера), до 10 (за 5 часов) написать по стихотворению не меньше 4 строф (16 строчек минимум, значит).

А потом по желанию уже (или по «недоделанности», если не успел) продолжать хоть до утра.

Писал 55 минут. Что же получилось?

Соловьиный Труд

Певчий труд у них – в роду,
И, согласно их канонам,
Соловей, как стеклодув,
Выдувает форму кроны.

Пеной, вымытой на плёс,
Крона в серебре червлёном,
С влажной провисью – берёз,
С сизой проседью – черёмух.

Слушанье – не послушанье
У заката на краю,
В форме столько содержания –
В кроне – да по соловью!

И, вплетаясь одна в одну,
Песня песню окликает –
Певчий труд у них в роду,
Потому не умолкают.

А умолкнут – на весу
Ветви вышепчут устало:
«Просто на одну весну
Эта жизнь короче стала...»

1986, Казань

Серый, плотненький, туго перетянутый сержант бросил мне обгрызенный шариковый карандаш и бланк протокола.

– На, бродяга...– и, отходя, обернулся лениво, будто подсолнечную шелуху сдул с губы, – только разборчивей там... и чтоб пограмотней было.

– Ладно, постараюсь грамотней...

Задумался в тоске и стал водить ручкой, ставя буквы отдельно, как ре-диску сажал, чтоб по линейке стояли в государственной (строгой) бумаге.

Я, Данилов, пишу вам в милиции
между звёздочек всяких и лычек,
что писать о себе

мне и коротко даже не надо,
потому что вся жизнь моя
без поправок и без кавычек –
это просто сплошная цитата из Дантова
«Ада»...

– Это ещё что за блажь? – шевельнулись за ухом у меня волосы. За спиной склонился покрасневший от злости сержант.

– Вы сказали, чтоб разборчивей и грамотней...

– Какие цитаты, какой ад?! Что ты несёшь хреновину?! Спятил, что ли?!

Когда другой, уже старший сержант, дочитал, хихикнул как-то плотно. И даже удовлетворённо, как мне показало, поправил двумя руками ремень, одновременно, от пупка к позвоночнику, ловко убирая с пояса складки кителя. И так это вроде бы жизнерадостно и задумчиво, что я почему-то подумал: «Бить будут... Любознательные...». Где-то заныло и не пойму где. Однако светало. В прикамерном коридорчике, по-ямщицки подвывая, докатывался, видно, последние минуты (пересменок скоро) в своих буйных «салазках» сизый какой-то грома...

– Ты давай, Дант, затянись. – Старший сержант дал мне свой большой ещё окурок. – Зобни и шнуруй в камеру. Скоро начальник (майор) появится – рассортирует. Ну, тебе, скорей всего, в дом творчества, суток на пятнадцать.

Вспомнилось паушкинское: твори, но не вытворяй. Но от чужой мудрости не полегчало. Про себя отметил: это в круге первом, а сколько ещё их в миллионном аду?

– Что его – на Сеченова или на Ершова, 49? (это были популярные адреса психиатричек). – Коры пошли у бичары или вообще крыша съехала (белая горячка или вообще чокнулся, мол)?

Откуда-то из стеклянных наполовину стен-перегородок вошёл свежесвыбранный, но не выпавшийся майор. Тяжело осмотрев «дежурку», он не глядя, накрыл ладонью пухлую стопку протоколов:

– Все здесь?

В высокие окна дежурки лопило клетчатое утро. И видно было, что не было пока несчастья в наступившем дне. Но и счастья не было.

У подъезда райотдела стоял свежесмытый «воронки» с распахнутыми позади дверцами (для просушки после мытья, видно) – и тёмный зев, нутро машины, как бы утверждал вечную истину: «Будет день – будет пища».

11 ноября 1986 года
(записка Рустему Кутую
в день пятидесятилетия)

Во всех степенях своей устойчивости ждал и жду от тебя пронизывающего светом слова. Целебно знать, что голос нашего поколения – твой голос – то утихая, то вновь набирая силу, не оставляет белых (читай, тёмных!) пятен в памяти (Казанского! послевоенного!) детства. В Казани об этом никто не сказал и уже не скажет – идут другие поколения, а из прошлых – ты получился один. Выходи на новый круг – весёлый и злой – впереди тьма работы. Удач и крепости духа.

Иван.

P.S. Не теряйся в суете, мелочах. Главное (в силу возраста) стало ещё «главнее».

24 декабря 1986 года (среда)

В 12 часов дня был у Рустема Кутуя дома. Он сказал, чтоб к 11 января 1987 года я подготовил свои стихи для журнала «Смена». Он заодно отвезёт.

Январь 1987 года

Русская секция на 1 января 1987 года: Корчагин – председатель русской секции (вместо Нонны Орешинной), секретарь секции (он же литконсультант) – Ахат Мушинский; Г. Паушкин, Диас Валеев, Р. Кутуй, Колька Беляев, Нонна Орешина, Лавришко, Эльмира Блинова, Вяч. Баширов, Сергей Малышев.

4 января 1987 года (воскресенье)

На четыре невнятных строки истратил целую банку бразильского кофе (растворимого, из «большевистского» пайка отца).

11 января 1987 года
(воскресенье)

Разговор с Рустемом Кутуем в день его отъезда в Москву о поэзии, какими должны быть стихи сейчас. Хватит только образов («образочков»). Красиво написано – это мало. Гражданская, человеческая идея. За что ратуешь? Чего хочешь от жизни, от судьбы, от со-

вести, какие твои лично убеждения, позиция, общечеловеческая значимость. Не лозунги, не декларации, не призывы, а художественные, убедительные вещи, не расхожие, а продуманные, обеспеченные судьбой, собственной жизнью строки. Просто версификация, виртуозность – этого мало.

16 мая 1987 года

Вечером я стал, наконец, после переезда на новую квартиру на ул. Татарстан укреплять гардины (были на «живушку» временно приделаны). С подоконника, держа гардины в руках (надо было дураку выпустить их, но я побоялся, что они разобьют стёкла в окне), оступился. Упал, попав глазом (правым) в угол табуретки со всего маху. Глаз затёк, но видит хорошо, если веко верхнее приподнимешь (это главное, что видит), но, кажется, нижнее веко чуть-чуть порвано... Уродом на всю жизнь оставаться не хочется, поэтому надо показаться главному хирургу и, может быть, шов наложить. Когда зарастёт неправильно – будет поздно. Это надо срочно делать. А никого нет, родные, как всегда летом, на пасеке. Ситуация!

Июль 1987 года

Старшая сестра Лида приехала числа 30 июня – 2 июля 1987 года на пасеку и рассказала мне, что Валерий Капранов, старший брат Гены Капранова, был 25 июня на могиле у Гены, а ночью или сразу на другой день, т. е. 26 июня 1987 года – кровоизлияние в мозг (инсульт) – умер. Хоронила опять (все хлопоты) одна Ляля (Мария Николаевна), мать не участвовала практически (Мария Ивановна). Вот рок, вот судьба братьев! На два года Валерий пережил Геннадия...

1987 год (записка Володе Глухову)

Некоторые для тебя сегодняшнего и твоих сегодняшних целей небесполезные пожелания. Касается стихосложения, но не Поэзии, ибо для Поэзии рекомендаций не существует. Помни, Володя, что это импровиз., рекомендованный наспех... Но всё же...

1. Не повторяй заучивно одни и те же размеры из стиха в стих

2. Не рифмуй «грамматическими» рифмами (т. е. существительные с существительными, глагол с глаголом, прилагательное с прилагательным, наречие с наречием и т. д. Хотя совсем без этого на практике не обойтись.

3. Избегай инверсий, обходи их, если возможно обойти.

4. ...служебных лишних слов для заполнения вакуума в размере и ритме...

5. Не бери первопопавшиеся слова в качестве определения (это, пожалуй, первый закон Поэзии, не только стихосложения).

6. Любую метафору (любой троп) можно «экранизировать» – чем зримее, тем лучше.

7. Не бояться (даже стремиться), что рифменное слово вовлечёт в дремучий лес новых ассоциаций и, бывает, озарит стихотворение новым, «непланируемым» светом, придаст неожиданное свечение, оттенки смысла и т. д.

8. Если в итоге в стихе читается заурядная, банальная мысль, которая в переложении на обычный, так сказать, «прозаический» язык ничего нового не открывает, и есть «общее место» – не спасут «красоты» стиха...

9. Помни, что по большому счёту – «стихов природа не грамматика, а ну-тро»...

1987–1988 годы

Казань, ул. Павлюхина, Дворец им. Кирова, 3 этаж, ком. 43 – с 6 часов вечера занятия у Володи Федотова (гитара).

Каждое воскресенье лит. объединение при клубе Маяковского (руководитель Марк Зарецкий) с 11 ч. до 3 ч.

5 мая 1990 года (суббота)

Отнёс Мише Белгородскому несколько своих стихов, пусть посмотрит, может быть, у Ольги Стрельниковой пройдёт что-нибудь. Но стихи, которые хотел я – хранятся на ул. Татарстан, а я пока туда не ходок. Жалко. Отдать пришлось то, что обнаружил у мамы на квартире (ул. Вишневого, 10). Взял

у него вырезки поэтов андерграунда и его публикации в «Советской Татарии» и в «Науке».

7 июня 1990 года (среда)

Сегодня, наконец, нашёл Валеру Егорова и перенёс к нему вещи от Глухова (там ремонт и мать из Сарапула приехала). Теперь, на второй день после приезда из Казани, можно начать обшивать... Мама в Казани ждёт моего возвращения.

1991

Лёша Остудин в Москве, в мае 1991 года. Остудин теперь учится на ВЛК (Высшие литературные курсы), где могут учиться только члены СП... И стипу особую какую-то дали. Нужна Лёшке третья книга... Лёша приходил с Панаевым 6 августа на 2-ю Газовую (0,5 водки и т. д.)

5 апреля 1992 года (воскресенье)

В 14 часов звонил Вилю Мустафину домой. Сообщил мне, что теперь он директор Худфонда Татарстана.

31 марта 1993 года (среда)

Дом учёных. 19 часов. Клуб духовного самосовершенствования «Восхождение». Ведёт его Лоренс Блинов по последним средам каждого месяца. Изредка бывают и встречи с творческими людьми. В этом клубе уже выступили поэт Володя Киносьян, а сегодня Виль Мустафин. Всё это в лекционном зале, на втором этаже. Пришли Булат Галеев, Володя Киносьян, Анатолий Гаврилович Кузнецов, сам ведущий Лоренс Блинов, Диас Валеев (посреди вечера вежливо ушёл – Виль ему кивнул – иди, мол, Диас). И мы с Макисом Едигаровым пришли. Лоренс по ходу говорил и обо мне, о Володе Нешумове, Володе Игнатьюке...

Потом с Макисом пришли ко мне, на ул. 2-я Газовая, и переночевали за чаем и беседой.

Апрель 1993 года

Всю неделю давило сердце, и я, как динамитный патрон, начинался глициерином.

Декабрь 1993 года

Записка-напоминание-заклинание: Крепись, Иван, держись, Иван! Никого нет на свете. Ты на необитаемом острове. Сентенция последняя и главная: утро вечера мудренее... Доживи до утра! Заваривай чай, считай звёзды и ошибки. Чифирь поможет.

31 декабря 1993 года

Новый год уже встретили (первые) на Чукотке – в 14 часов дня по московскому времени, в 15 часов – на Камчатке, в 16 часов – на Сахалине и Курилах... Вот Россия распласталась по поверхности! Вон сколько часовых поясов – больше, чем обручей на кадушке...

9 часов вечера. Через 3 часа – Новый год. А я абсолютно один, трезвый, сижу в своей конуре на 2-й Газовой. Ни копейки денег... Хлеба ни крошки... Чай есть (но сахар кончился вчера), чуть-чуть в пачке соломки, соль и три сваренных в кипятке початка кукурузы... С отцом и роднёй – в разрыве. Идти некуда, да и не хочется. Даже телевизора нет – развлечься. Лежу, пью несладкий горячий чай, слушаю «Маяк» и «Радио России», читаю старые «Огоньки»...

1 января 1994 года

Где-то примерно в ноябре-декабре 1993 года неожиданно в вестибюле НИИ насосмаша встретил журналиста Бориса Фёдоровича Марихина. Оказывается, он в «Советской Татарии» давно не работает... Организует сейчас нечто вроде Информационного агентства. В заместителях у него по орг. вопросам «Джон Хартен» – Евгений Петрович Харитонов. Дал мне Борис свои телефоны (я говорил ему о желании устроиться на работу, связанную с «писаниной»). Борис сказал, что до Нового (1994) года должно всё решиться...

1 января 1994 года умер поэт Михаил Дудин.

12 апреля 1994 года (вторник)

Первый день работал на «бумаге» – погрузка, очистка склада и территории, сжигание, прессовка.

22 апреля 1994 года (пятница)

Утром наконец-то съездил к Вилю Мустафину домой. Виль рассказал мне, как разыскивал меня по телефону в связи с похоронами «Були» (Володи Боброва). Звонил моему отцу на ул. Вишневого. Мне никто ничего не передал...

Когда-то, в конце 93 года, Виль Мустафин сказал, что надо подготовить каждому из казанских «шестидесятников» свои стихи (100 строк) периода 1957–1964 гг. с номерами приоритета. Четыре строки – год рождения, кем был, кем стал, что печатал. 2–3 стро-

ки – «что такое поэзия». Одно фото тех лет (отдать Вилю Мустафину до 1 июля). Гл. редактор Балашов, «Казань» и приложение «Панорама». В редколлегии Булат Галеев, Рустем Кутуй.

Июнь 1994 года

У Ельцина 46-й размер обуви. Когда в июне 1994 года он приезжал в Казань–Челны, в мечети таких тапочек не нашлось, и он пошёл в носках.

28 декабря 1995 года (четверг)

Похороны моего отца... В Казани в эти дни эпидемия гриппа.

